
ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Посольский отчет Захарии Мейера о поездке в Москву

М. Б. Бессуднова

Для цитирования: Бессуднова М. Б. Посольский отчет Захарии Мейера о поездке в Москву // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 4. С. 1349–1378. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.418>

В статье помещен перевод и оригинальный текст отчета любекского ратмана Захарии Мейера о его дипломатических поездках в Москву в 1586–1587 гг. Документ хранится в Архиве ганзейского города Любека (Archiv der Hansestadt Lübeck) и до настоящего времени не публиковался, хотя имеет большое значение для характеристики русско-ганзейских отношений после Ливонской войны и торговой стратегии Любека в России. По поручению любекского магистрата Мейер побывал при дворе царя Федора Иоанновича, в Новгороде и Пскове, тем самым положив начало прямым контактам Любека с русским правительством. В условиях реорганизации Ганзейского союза, происходившей во второй половине XVI в., Любеку, чтобы сохранить за собой статус его главы, требовалось занять лидирующие позиции в поставках на западноевропейский рынок русской экспортной продукции. Для достижения этой цели он должен был отказаться от торгового и дипломатического посредничества ганзейских городов Ливонии, которые в ходе Ливонской войны оказались в чужеземном подданстве, и провести в жизнь собственную программу, изложенную в памфлете «Краткое повествование...» 1571 г. Эта программа предполагала создание сети любекских торговых подворий в городах

Марина Борисовна Бессуднова — д-р ист. наук, проф., Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Российская Федерация, 173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41; novsu@novsu.ru, marina.bessudnova@novsu.ru

Marina B. Bessudnova — Dr. Sci. (History), Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, 41, Bolshaya Sankt-Peterburgskaya ul., Veliky Novgorod, 173003, Russian Federation; novsu@novsu.ru, marina.bessudnova@novsu.ru

Статья подготовлена в рамках поддержанного РНФ проекта 19-18-00183 «Экономические, политические и социокультурные коммуникации России и Прибалтики в XV–XVII вв. по материалам архивных коллекций Таллина, Любека, Берлина и Санкт-Петербурга».

The article was prepared in the framework of the project 19-18-00183 supported by the Russian Science Foundation “Economic, political and socio-cultural communications of Russia and the Baltic Area in the 15th–17th centuries based on archival collections of Tallinn, Lübeck, Berlin and St. Petersburg”.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

русского Северо-Запада, который превращался бы в хинтерлянд Любека; закрепление за Любеком привилегии ганзейцев в России; получение от российского государя гарантий по поставкам и беспрепятственному вывозу русских товаров. Отчет Мейера, в который включены немецкий текст жалованной грамоты Федора Иоанновича Любеку 1586 г., переводы царских посланий наместникам Новгорода и Пскова, челобитные самого Мейера, свидетельствует об успешном начале выполнения этой программы. В отчете, помимо прочего, содержится информация о положении дел на торговых подворьях Новгорода и Пскова, в частности об их отношениях с городской администрацией. Отсутствие у них самоуправления и административная зависимость от русских властей отличает любекские подворья от ганзейских контор эпохи расцвета Ганзы.

Ключевые слова: Ганза, Любек, Захария Мейер, торговые подворья, Новгород, Псков.

The Ambassador's Report of Zakharia Meyer on the Trip to Moscow

M. B. Bessudnova

For citation: Bessudnova M. B. The Ambassador's Report of Zakharia Meyer on the Trip to Moscow. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2021, vol. 66, issue 4, pp. 1349–1378. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.418> (In Russian)

The article contains a translation and an original text of the report of Ratmann of Lübeck, Zhachariah Meyer, about his diplomatic trips to Moscow in 1586–1587. The document is stored in the Archives of the Hanseatic City of Lübeck (Archiv der Hansestadt Lübeck) and has not been published so far. On behalf of a magistrate of Lübeck Meyer visited the court of Tsar Fyodor Ioannovich in Novgorod and Pskov. In the context of the transformation of the Hanseatic League, which took place in the second half of the 16th century, in order to retain the status of its head, Lübeck needed to take a leading position in the supply of Russian export products to the Western European market. To achieve this goal, it was necessary to reject commercial and diplomatic mediation of the Hanseatic cities of Livonia, which during the Livonian War fell under foreign rule, and carry out its own program set out in the pamphlet “*Kürtzer Bericht...*” of 1571. Meyer's report, which includes the German text of the letters patent from Fyodor Ioannovich to Lübeck in 1586, the translations of the tsar's letters to the governors of Novgorod and Pskov, and Meyer's petitions, testifies to the successful start of this program. The report, among other things, contains information about situations in the trading courtyards of Novgorod and Pskov, in particular, about their relations with the city administration. Their lack of self-government and administrative dependence on the Russian authorities distinguished the Lübeck courtyards from the Hanseatic offices in their heyday.

Keywords: Hanse, Lubek, Zakharia Meyer, trade yards, Novgorod, Pskov.

Завершение в 1583 г. Ливонской войны создало условия для нормализации русско-ганзейских отношений и их пересмотра, необходимого ввиду переустройства Ганзейского союза, которое началось в середине XVI в. Ему предшествовали объективные перемены в ганзейской организации, а именно постепенное сворачивание ганзейских контор, одна из которых (Немецкое подворье) находилась в Великом Новгороде, и стапелей, мест складирования ганзейских товаров и санкционированного товарообмена. Этот процесс сопровождался локализацией коммерческих интересов ганзейских городов, их автономизацией, распадом средневековой, «сетевой», структуры Ганзы (Netzwerk), представлявшей сложное переплетение личных

связей участников международной торговли, а также дроблением ганзейского пространства с последующим понижением престижа Любека как главы Ганзы (*caput omnium, eyn hovet der hense*). В условиях укрепления государственных структур, расширения властных полномочий европейских государей и эскалации битвы за Балтику (*dominium maris Baltici*) дальнейшее существование Немецкой Ганзы (*Dudesche hense*) с ее довольно слабой административно-правовой и политической организацией утрачивало перспективы дальнейшего развития. Осознание угрозы и желание выправить положение заставили ганзейцев произвести в середине XVI в. серию реформ, направленных на институционализацию Ганзы и формирование конфедерации городов¹.

У Любека в дополнение ко всему была еще и собственная задача, касавшаяся сохранения своего лидерства в Ганзе, отныне построенной не на «сетевых», а на конфедеративных началах. Одним из путей достижения цели могло стать расширение его долевого участия в поставках на западноевропейский рынок русской экспортной продукции — в основном сырья (льна, пеньки, древесной золы, жира, поташа, смолы, кож и т. п.), спрос на которое в конце XVI — начале XVII в. неуклонно возрастал. Распад средневековой ганзейской организации обернулся для Любека утратой регулятивных функций в отношении контор и стапелей, что не могло не отразиться на его экономических показателях. К концу XV столетия торговые обороты «главы Ганзы» заметно сокращались², и преодолеть эту опасную тенденцию в рамках конфедерации городов Любек, как и другие ганзейские города, мог путем расширения собственного хинтерлянда, территории, поставлявшей ему товарную продукцию — востребованные на балтийском рынке продукты сельского хозяйства и лесных промыслов, сырье и полуфабрикаты. Успехи Данцига (Гданьска)³ и Риги⁴, обладавших обширными хинтерляндами, служат неоспоримым доказательством их значимости для городов Поздней Ганзы. Хинтерланд средневекового Любека (*marchi civitatis*) был крайне невелик, но город долгое время обеспечивал себе прибыли и авторитет благодаря своему торговому посредничеству между Западной, Северной и Восточной Европой, привилегиям, городской собственности, фрахту, контролю за ганзейскими конторами и стапелями, осуществлению юрисдикции в зоне любекского права⁵. В начале Нового времени эти факторы постепенно переставали работать, что заставило руководство Любека, представленное его магистратом, обратить особое внимание на проблему хинтерлянда. Определиться же с его географической привязкой Любеку помогла небывалая востребованность на западноевропейском рынке русских товаров.

¹ Hammel-Kiesow R. Die Hanse. München, 2000. S. 98–108; Die mittelalterliche Hanse. Darmstadt, 2010. S. 104–121; Jahnke C. Die Hanse. Stuttgart, 2014. S. 102–110; Iwanov I. A. Die Hanse im Zeichen der Krise: Handlungsspielräume der politischen Kommunikation im Wandel (1550–1620). Köln, 2016.

² Наибольший провал любекской торговли приходится на 1492–1496 гг., затем начинается период стагнации, после чего следует медленный подъем 1520–1530-х гг. (Hammel-Kiesow R. Hansischer Seehandel und wirtschaftliche Wechsellagen: Der Umsatz im Lübecker Hafen in der zweiten Hälfte des 14. Jahrhunderts, 1492–1496 und 1680–1682 // Der hansische Sonderweg? Köln, 1993. S. 77–93).

³ Link Ch. Hansischer Handel im Strukturwandel vom 15. zum 16. Jahrhundert: das Beispiel Danzig // Hansischer Handel im Strukturwandel vom 15. zum 16. Jahrhundert. Trier, 2016. S. 31–48.

⁴ Дорошенко В. В. Торговля и купечество Риги в XVII веке. Рига, 1985. С. 78–96.

⁵ Jahnke C. Lübeck and the Hanse: a queen without its body // The Routledge handbook of maritime trade around Europe 1300–1600. Routledge, 2017. S. 231–247.

Активизации русской торговли Любека в первой половине XVI в. немало препятствовали ливонские города, главным образом Ревель (Таллин), который выступал в роли «новгородского стапея», и тесно связанный со Псковом Дерпт (Тарту). Эти города с 1442 г. представляли Ганзу в дипломатических сношениях с Русью/Россией и являлись гарантами русско-ганзейских договоренностей. Они контролировали деятельность новгородского Немецкого подворья и сами были открыты для посещения русских купцов, чей массовый приток в Ливонию предопределил экономический расцвет ее городов в первой половине столетия⁶. С 1530-х гг. граждане Любека стали расширять свои непосредственные контакты с русскими купцами, используя для этих целей их приезды в Ливонию и только что основанный Немецкий двор в Пскове. Десять лет спустя, после опустошительного пожара на Немецком подворье в Новгороде 1542 г., Любек стал проявлять интерес к установлению собственного прямого диалога с русскими правительственными кругами без привлечения ливонских городов⁷. Среди причин изменения порядка русско-ганзейского общения и перехода первых позиций от ливонских городов к Любеку, следует назвать также ослабление деловой активности новгородского Немецкого подворья⁸, «гостевую политику» ливонских городов, препятствовавших прямым торговым сделкам приезжих «гостей»⁹, усиление конкуренции ганзейцам со стороны «чужих наций» (датчан, голландцев, купцов из Южной Германии, англичан и др.)¹⁰. Эти обстоятельства заставили Любек сформировать оригинальную стратегию торговли с Россией, суть которой заключалась в создании собственных эмпориев в ключевых пунктах прохождения русского экспортного потока непосредственно в России, а также в расширении своего хинтерлянда за счет русского Северо-Запада. Традиционной альтернативой ганзейской торговли, позволявшей городам «заморской» Ганзы отказаться от посредничества ливонцев, было Немецкое подворье в Великом Новгороде, но его использование Любеком было ограничено, поскольку после его восстановления в 1514 г. (Немецкое подворье было закрыто по приказу великого князя Ивана III в 1494 г.) там доминировал Ревель¹¹. К тому же, будучи конторой Ганзы, Немецкое подворье де-юре было доступно для всех ганзейцев, пользовавшихся одинаковыми привилегиями, и потому использовать его «на любекский манер» (*der Lubschen art*)¹² вряд ли представлялось возможным.

В условиях жесткой конкурентной борьбы ряда западноевропейских государств за участие в «нарвских плаваниях» времен Ливонской войны¹³, а также под

⁶ Angermann N. Die Stellung der livländischen Städte in der hansischen Gemeinschaft // Hansische Geschichtsblätter. 1995. Bd. 113. S. 111–125; Бессуднова М. Б. Специфика и динамика развития русско-ливонских противоречий в последней трети XV века. Воронеж, 2016. С. 121–140.

⁷ Graßmann A. Lübeck und der deutsche Osten im Spätmittelalter // Die Hanse und der deutsche Osten. Lüneburg, 1990. S. 23–39.

⁸ Angermann N. Deutsche Kaufleute in Novgorod im 16. und 17. Jahrhundert // Novgorod — Markt und Kontor der Hanse. Köln, 2002. S. 97–115.

⁹ Tiberg E. Moscow, Livonia and the Hanseatic League: 1487–1550. Stockholm, 1995. P. 203–208.

¹⁰ Sprandel R. Die Konkurrenzfähigkeit der Hanse im Spätmittelalter // Hansische Geschichtsblätter. 1984. Bd. 102. S. 21–38.

¹¹ Бессуднова М. Б. Новгородская контора Ганзы в торговой стратегии Ревеля первой трети XVI в. // Петербургские славянские и балканские исследования. 2019. Вып. 2 (26). С. 159–172.

¹² Выражение появится в ганзейской документации середины и второй половины столетия (Iwanov I. A. Die Hanse im Zeichen der Krise. S. 52; etc.).

¹³ В 1558 г. Нарва вошла в состав Русского государства и получила от Ивана IV торговые привилегии, благодаря которым она стала «зоной свободного предпринимательства» в сфере торговли

впечатлением от перехода ливонских торговых «коммун» в иноземное подданство (Ревель оказался под властью Швеции, Рига — Польши, Дерпт — «под рукой» русского государя) и, возможно, от успехов англичан на Белом море Любек разработал концепцию «русского стапеля», изложенную в прокламации «Краткое повествование и информация ганзейцев об [их] исконном свободном плавании, предпринимательстве и торговле в Ливонии и России» (*“Kürtzer Bericht undt Information der hansischen von alters her auf Lieflandt und Rußlandt gebrauchter Sigillation, gewerb undt han tirung”*), которая была составлена весной 1571 г. и в настоящее время хранится в фондах Таллиннского городского архива¹⁴. Основные положения этого документа предусматривали восстановление контактов Ганзы с русским царем при посредничестве граждан Ревеля, которые должны были воспользоваться ожидавшимися вскоре русско-шведскими переговорами для постановки вопроса об учреждении во владениях русского царя ганзейского стапеля (наиболее подходящим для этого местом признавались Ивангород и Псков); пролонгации привилегий ганзейцев в России с гарантиями свободы передвижения («чистого пути»); торговле с русскими купцами в части Ливонии, занятой русскими войсками, и Пскове; полном освобождении от пошлин; бесперебойности поставок русских экспортных товаров, в первую очередь воска, на «русский стапель» и их беспрепятственном вывозе¹⁵.

Создание ганзейского стапеля в России, инициированное Любеком, обеспечивало ему прямой доступ на русский рынок. В зоне его основного внимания был Псков, торговля которого, невзирая на тяготы Ливонской войны, в последней трети XVI в. существенно превосходила показатели Новгорода, переживавшего последствия опричного погрома¹⁶. Около 1574 г. в Пскове возродилось Немецкое подворье, пострадавшее при пожаре 1560 г., и среди его обитателей, по свидетельству путешественника Самюэля Кихеля, посетившего его в 1586 г., было много граждан Любека¹⁷.

Осуществить идею «русского стапеля» до завершения Ливонской войны не представлялось возможным, но после подписания в 1582 г. Ям-Запольского мира и окончания в 1583 г. войны между Россией и Речью Посполитой в международной балтийской торговле наметилась стабилизация, в результате чего у Любека появилась возможность начать дипломатический диалог с Москвой. Переговоры предполагалось вести от имени всей Ганзы, хотя в действительности «господа» (*heren*) Любека, члены любекского магистрата, имели в виду создание принципиально иной системы русско-немецких торговых отношений, с сетью любекских торговых подворий в русских городах (в первую очередь имелись в виду Новгород и Псков)

Западной Европы с Россией, равно как и объектом конкурентной борьбы ряда западноевропейских государств, прежде всего Дании, Швеции, Польско-Литовского государства (*Köhler M. Die Narva-fahrt. Mittel- und westeuropäischer Rußhandel 1558–1581. Hamburg, 2000. S. 45–68*).

¹⁴ *Kürtzer Bericht undt Information der hansischen von alters her auf Lieflandt und Rußlandt gebrauchter Sigillation, gewerb undt han tirung // Tallinna Linnaarhiiv (TLA). F. 230. BD 27. Fol. 1v.–2r.*

¹⁵ *Bessudnova M. Der Russlandhandel Lübeck's im Pamphlet „Kurzer Bericht undt Information der Hansischen von alters hero auf Liefland und Russlandt gebrauchter Sigilation, Gewerb und Han tirung“ von 1571 aus dem Stadtarchiv Tallinn // Acta Historica Tallinnensia. 2017. Vol. 23. S. 49–64.*

¹⁶ *Хорошкевич А. Л. Города России во время Ливонской войны (к постановке вопроса) // Древности Пскова: Археология, история архитектура. Вып. 2. Псков, 2011. С. 271–279.*

¹⁷ *Die Reisen von Samuel Kiechel. Stuttgart, 1866. S. 114–116.*

в качестве основного элемента. Кроме того, предполагалось укрепить тот самый «панцирь из ганзейских привилегий», благодаря которому Ганза некогда превратилась в торгового властелина Балтийского моря¹⁸, с той, однако, оговоркой, что теперь эти привилегии должны были служить исключительно Любеку. Гарантом функционирования этой системы становился российский государь, причем не на основании паритетного соглашения сторон, как это делалось во времена новгородской и псковской вечевой вольности, а по московскому обычаю — вследствие пожалования царской милости.

На решение этих задач были нацелены инициированные Любеком дипломатические миссии в Москву рубежа XVI и XVII вв., начало которым было положено посольством Захарии Мейера 1586–1587 гг. Пространное повествование о двукратном посещении царского двора, которое Мейеру пришлось совершить в рамках этой миссии, представлено в посольском отчете, который он по ее завершении вручил олдерменам (старшинам) гильдии «новгородских гостей» в Любеке, по-видимому инициаторам и организаторам его поездок. Подлинник документа не сохранился, но его копия, выполненная много позже с ветхого оригинала, как это указано в архивной пометке, хранится в Архиве ганзейского города Любека¹⁹. Копия выполнена на сдвоенных бумажных листах 4° четким, хорошо читаемым почерком, предположительно первой половины — середины XIX в., и пребывает в хорошем состоянии. Сам документ нельзя отнести к разряду неизвестных²⁰, однако его полная публикация на языке оригинала, средненижненемецком, а тем более перевод на русский язык, приводятся впервые. Помимо перечня событий, связанных с исполнением Мейером своих посольских обязанностей, его отчет содержит интересные, эмоционально оформленные ремарки по ходу переговоров в Москве, а главное, посещения послом Великого Новгорода и Пскова. Будучи опытным дипломатом, Мейер хорошо понимал значение официальных документов и писем, имевших отношение к делу, а потому с немецкой пунктуальностью перенес их полное содержание, «от А до Я», в свой отчет. В нем присутствуют немецкий перевод жалованной грамоты царя Федора Иоанновича 1586 г., известной по публикации²¹, а также переводы утраченных царских посланий к новгородским и псковским наместникам и письма самого Мейера, касающиеся его дипломатической миссии. Особый интерес представляют зарисовки, посвященные административному устройству Немецких подворий Новгорода и Пскова, которые позволяют судить об отличии их организации от ганзейских контор периода расцвета Ганзы в XIV–XV вв.

Оперативность, с которой действовали любекцы, заслуживает того, чтобы остановиться на этом особо. Не успела закончиться Ливонская война, как на ганзейском съезде, ганзетаге, состоявшемся в октябре — ноябре 1584 г. в Любеке, было принято решение направить царю Федору Ивановичу просьбу об учреждении под-

¹⁸ Puhle M. Organisationsmerkmale der Hanse // Die Hanse. Lebenswirklichkeit und Mythos. Bd. 1. 4. Aufl. Lübeck, 2006. S. 196–201.

¹⁹ Reise des Zacharias Meyer nach Moskow 1586–1587 // Archiv der Hansestadt Lübeck (AHL). Altes Senat-Archiv (ASA): Ruthenica (1.1–3.2/16). Mappe 25. Fol. 1v.–11 r.

²⁰ Angermann N. Die Hanse und Rußland in den Jahren 1584–1603 // Hansische Geschichtsblätter. 1984. Bd. 102. S. 81–83.

²¹ Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1848. № 88.

ворий для нужд любекской торговли в Великом Новгороде и Пскове²². Исполнение этого решения магистрат Любека возложил на одного из своих членов — ратмана Захарию Мейера, купца, бывавшего в России и знавшего русский язык, да к тому же дипломата, который, судя по отдельным замечаниям в его отчете, имел опыт ведения переговоров с русской стороной. В начале 1586 г. Мейер, не дожидаясь открытия навигации («первой воды»), выехал через Псков в Москву «по сухопутью», воспользовавшись санным путем. В русскую столицу он прибыл в конце февраля и сразу же удостоился встречи с главой Посольского приказа Андреем Яковлевичем Щелкаловым. Они давно знали друг друга: Щелкалов упомянул о знакомстве десятилетней давности, тогда как Мейер утверждал, что знает своего сановного собеседника вот уже 15 лет.

Спустя чуть более трех недель после приезда Мейер был принят царем, а 23 апреля 1586 г. ему вручили царскую жалованную грамоту для «всех 72 заморских [ганзейских] городов» на «чистый путь» и свободную торговлю «по старине» (*na denn oldenn*) в Новгороде и Пскове, где для граждан Любека учреждались особые торговые подворья. В дополнение к тому любекцы получили право платить половинную пошлину. Следуя царской воле, магистрат Любека должен был прислать в Москву полномочное посольство для заключения русско-ганзейского договора от имени всей Ганзы, о чем Мейеру надлежало известить «заморские» города. На обратном пути он сначала посетил Новгород, а потом отправился в Псков, где ему пришлось пережить ряд неприятных моментов в общении с представителями местной администрации. В Любеке результаты поездки Мейера сочли удовлетворительными, и в конце лета того же года его снова направили в Россию, чтобы просить царя об «опасной грамоте» для предстоящего ганзейского посольства. Получив ее, он выехал в Новгород, где убедился в исполнительности местных властей, учредивших гостевое подворье для любекцев в соответствии с царской волей. В новгородской писцовой книге 1588–1589 гг. отмечено, что «ныне тот двор устроен немцом торговым любским»²³.

В Пскове, куда Мейер заехал по пути в Нарву, положение дел было не в пример хуже. Сооружению Любекского подворья там противились другие немецкие купцы, которые «приходят в Псков с товарами из Нарвы или Ивангорода (sic!) или из других немецких городов», а также городские власти. Они разместили подворье не в городе, в Запсковье (*Zabschow*), а «за рекой», в Завеличье, «совсем на отшибе» (*gar am ende der sreydt*), при этом не стали строить специальное здание, а решили использовать для нужд подворья дом некоего Юрия Иголкина (*Jurgen Igoelken*). Его расположение Мейер счел крайне неудобным в плане как безопасности, так и торговой деятельности. Мейер пишет и о других проявлениях неуважения к воле царя, одарившего любекцев своей милостью, и к нему лично как послу Любека.

В отчете Мейера назначение новых подворий в Новгороде и Пскове указано прямо: «Пусть подыщут и подготовят подворье для любекцев, чтобы гостевое подворье было главным образом для любекцев, и какие бы любекцы ни стали прибывать в Новгород, пусть им будет позволено торговать на этом дворе». Отделение любекских купцов от прочих ганзейцев объяснялось наличием у них привилегии

²² Kölner Inventar. Leipzig, 1903. Bd. 2, nr. 193, 194.

²³ Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. // Летопись занятий Археологической комиссии. Вып. 24. СПб., 1912. С. 31.

платить половинную пошлину по сравнению с прочими «нациями», приезжавшими туда для торговли. Уместно заметить, что к «чужакам», выплачивавшим полную пошлину, отнесены не только шведы, датчане, поляки и литовцы, но также «остальные немцы» и ливонцы, то есть граждане ганзейских городов. Наличие привилегии, таким образом, обособляло любекцев внутри ганзейского сообщества точно так же, как ранее оно отделяло ганзейцев от тех, кто к Ганзе не принадлежал.

Не только это отличало Любекские подворья Новгорода и Пскова от прежних ганзейских контор. Еще в начале XVI в. новгородская контора Ганзы (Немецкое подворье) возводилась и содержалась за счет отчислений ганзейских городов либо из средств «фунтовой пошлины» (*Pundzoll*), экстраординарного взимания товаров, которое практиковалось в ганзейских городах в случае экстренной необходимости²⁴. Царская же грамота 1586 г. предписывала строить подворья «из нашей казны» (*uth unsrem schatte*), а если в городе найдется готовое помещение, его следовало выкупить за государственные средства при участии Посольского приказа. В случае со Псковом уточнялось, что строить подворье надлежит горожанам (*inwaners*).

Расходование средств казны на нужды Любекских подворий означало их пребывание под царской юрисдикцией. В отличие от ганзейских контор они не имели самоуправления, каким располагало новгородское Немецкое подворье в XII–XV вв. Собственно говоря, царская воля преследовала целью учреждение в русских городах не ганзейских контор, а всего лишь мест компактного «гостевого» проживания любекцев (*gasthoff*). Как и прочие иноземные купцы, торговавшие в Новгороде и Пскове, они поступали под контроль «добрых, разумющих приставов» (*gude vorstendige prisstaven*), а выплачиваемые ими половинные пошлины фиксировались в особых книгах (*boken*), сведения из которых ежемесячно направлялись главе Посольского приказа, дьяку («канцлеру») А. Я. Щелкалову. Царское пожалование предписывало местным властям оказывать любекцам покровительство и защищать от покушений на их жизнь и имущество со стороны подданных российского государя, что само по себе указывает на существование у любекцев трений с новгородцами и псковичами. Мейер имел возможность убедиться в том во время пребывания в Пскове, впрочем проблемы там были связаны с ганзейцами псковского Немецкого двора и, главным образом, со псковской администрацией.

Ограниченность административного ресурса новых подворий побуждала Любек продолжать ходатайствовать в Москве о расширении привилегий для своих купцов. Посольство 1603 г., хорошо представленное в современных исследованиях²⁵, получило от царя Бориса Годунова привилегию иметь подворья в Новгороде, Пскове, Ивангороде и Архангельске²⁶. Новгородские подворья — новое Любекское и старое Немецкое — перешли в полное распоряжение любекского магистрата и все последующее время, вплоть до закрытия в 1709 г., оставались под контролем одного только Любека. Седьмая редакция Новгородской скры (устава), принятая

²⁴ Бессуднова М. Б. Новгородская контора Ганзы... С. 172.

²⁵ Neubauer H. Das Moskauer Privileg für Lübeck 1603 // *Jahrbücher für Geschichte Osreuropas*. 1968. Bd. 16. S. 70–84; Angermann N. Deutsche Kaufleute in Novgorod... S. 109–110; Толкачев М. В. Взаимоотношения России с Ганзой в период правления Федора Иоанновича и Бориса Годунова (1584–1605) // *Известия Самарского научного центра РАН*. 2010. Вып. 2 (34). С. 7–13; Iwanov I. A. Hansische Niederlassungen in Russland um 1600 // *Hansische Geschichtsblätter*. 2015. Bd. 133. S. 163–182.

²⁶ Privileg für Lübeck zum freien Kaufhandel in Russland. 1603 // *AHL. ASA. Externa Hanseatica: Ruthenica* (1.1-3.2/16). Mappe 1.

в Любеке в 1603 г., фиксировала это новое положение дел²⁷: во главе подворья были поставлены четыре старшины (*olderleute, frachtherren*), которые в обязательном порядке являлись членами любекского сообщества «новгородских гостей», утверждались любекским магистратом и жили в Любеке (Abt. 1, § 1–4); счета конторы подлежали ежегодной проверке со стороны «новгородских гостей» и магистрата Любека (Abt. 1, § 24). Полное освобождение от пошлин в России, согласно привилегии 1603 г., распространялось исключительно на граждан Любека.

В продолжение темы «русского вопроса» в ганзейской практике рубежа XVI и XVII вв. можно отметить, что в повестку дня поздних ганзетагов он практически не включался (исключение составлял ганзетаг 1600 г., где решался вопрос о посольстве в Москву 1603 г.). Возможно, именно это обстоятельство дало основание историкам говорить о сокращении русской торговли Любека после завершения эпохи «нарвских плаваний»²⁸, хотя расширение сети Любекских подворий в русских городах на рубеже XVI и XVII вв. и закрепление их привилегий тому явно противоречит. Слабое отражение этого явления в протоколах ганзетагов можно объяснить, во-первых, преобладанием в повестке дня внутриганзейских проблем²⁹ и, во-вторых, очевидным желанием Любека вести дела в Москве «любекским манером» (*von der Lubschen Art*). Последнее, кстати, раздражало прочих ганзейцев: в одном из посланий Данцига по поводу посольства 1603 г. говорится, что любекцы ведут себя как «великие, могущественные господа, которые прочие города, объединенные с ними конфедеративно, считают своими подданными»³⁰.

Успехи «русской политики» Любека, противопоставившего себя прочим ганзейским городам, можно объяснить лишь более чем благосклонной позицией русских государей, которые немало содействовали реализации любекской программы по созданию «русского стапеля» в ущерб прочим ганзейским городам. Причины подобной благосклонности еще предстоит выяснять. Пока же в связи с этим упомянута особая гибкость любекских дипломатов, умевших приспособляться к русским обычаям и вкусам московских придворных кругов³¹. В качестве предположения отметим, что расположение российских государей к Любеку могло предопределяться участием его граждан в поставках России стратегического сырья и вооружения. Об этом, в частности, свидетельствуют архивные материалы, касающиеся запретов, наложенных императорами Фердинандом I в 1561–1562³² и Рудольфом II в 1579–1581 гг.³³ на вывоз в Россию любекскими купцами меди, а также письмо любекского магистрата герцогу Адольфу Шлезвиг-Голштинскому с извинениями по поводу срыва поставки вооружения в Россию в 1578 г.³⁴

²⁷ Schlüter W. Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom 13. bis 17. Jahrhundert. Dorpat, 1911. S. 199–207.

²⁸ Dollinger Ph. Die Hanse. Stuttgart, 2012. S. 475.

²⁹ Iwanov I. A. Die Hanse im Zeichen der Krise. S. 105–122.

³⁰ Ibid. S. 170.

³¹ Iwanov I. A. Hansische Niederlassungen in Russland um 1600. S. 169–172.

³² Ferdinand I. an Lübeck. 25.08.1561 // AHL. ASA: Ruthenica (1.1–3.2/16). Mappe 2. Fol. 1v.–2 v.

³³ Rudolf II. an Ivan IV. 3.07.1579 // AHL. ASA. Externa Hanseatica: Ruthenica (1.1–3.2/16). Mappe 3. Fol. 1v.–1r.; Rudolf II. an Ivan IV. 8.02.1581–10.02.1581 // AHL. ASA. Externa Hanseatica: Ruthenica (1.1–3.2/16). Mappe 4. Fol. 1v.–1r.; Rudolf II. an Ivan IV. 8.02.1581 // AHL. ASA. Externa Hanseatica: Ruthenica (1.1–3.2/16). Mappe 5. Fol. 1v.–3v.

³⁴ Lübeck am Herzogen von Schleswig-Holstein. 1578 // AHL. ASA. Externa Hanseatica: Livonica (1.1–3.2/11). Mappe 235. Fol. 112 v.–r.

Таким образом, любекский проект 1571 г. по созданию «русского стапеля» был реализован в начале XVII столетия благодаря серии превентивных мероприятий, нацеленных на усиление позиций любекских купцов на торговых подворьях Новгорода и Пскова в первой половине XVI в., и, главное, вследствие установления Любеком прямых дипломатических контактов с Москвой, начало которым положила дипломатическая миссия Захарии Мейера. Любек отошел от старинного обычая заключать русско-ганзейские договоры при участии Новгорода и Пскова, представлявших русскую сторону, и ливонскими городами с ганзейской стороны. В соответствии с нормами российской внешнеполитической практики соглашения между Москвой и Любеком оформлялись теперь в виде царского пожалования. Благодаря этому обстоятельству Любек, как обладатель царской милости, занял среди прочих ганзейских городов, имевших в России торговые интересы, исключительное положение, гарантированное волей российского самодержца.

Благосклонность российских государей позволила Любеку в дальнейшем решить проблему Немецких (Любекских) подворий «любекским манером», а именно вывести их из-под контроля русской администрации, как это предусматривало пожалование 1586 г., и переподчинить их магистрату Любека, согласно положениям 1603 г. Все это нарушало ганзейскую традицию, согласно которой стапеля и конторы Ганзы находились в ведении ганзетагов. В то же время вытеснение прочих ганзейцев, нелюбекцев, с русского рынка содействовало разрушению характерной для Ганзы «сетевой» структуры и ее перестройке на конфедеративных принципах. Вышеизложенное позволяет задаться вопросом об использовании Любеком ганзейских традиций «стапельной» торговли и торговых привилегий для включения русского Северо-Запада в свой хинтерлянд, благодаря чему городу удалось сохранить свой экономический и политический престиж. Во всяком случае торговые обороты Любека, имевшие тенденцию к сокращению в конце XV столетия, в XVI в. стали возрастать, а в XVII в. город пережил новый экономический подъем³⁵.

Итак, обратимся к оригинальному тексту отчета любекского ратмана Захарии Мейера о его дипломатических поездках в Москву в 1586–1587 гг., а затем представим перевод архивного документа на русский язык, выполненный автором настоящей статьи.

Reise des Zacharias Meyer nach Moskow 1586–1587

Anno 1586 den 10 ianvary is Zacharias Meier von einem erbaren hochweisenn radt dusser stadt Lubeck affgefardiget mit einem breve ahnn denn grodtfurstenn Foder Iwanuwitz aller Russen, gelickfals thom andrenn mal denn 26 July affgefardiged und dusse beiden reisen alles van wegen des vorfallen Nougardischenn contoир up ahnfordernt der itzigenn frachthern, alse de erbaren unnd furnemen Andreas Syvers, Hans Berens und Hartich Holdtsche, wadt he nu dorch Gades gnade vorrichtet, findet men folgende klarlick mit siner eigenn handt avergevenn den 31 Martij anno 1587.

Anno 1586 denn 10 ianvary reysede yck uth Lubeck aver landt na der Musschow.

Plesschow. Den 16 february quam yck thor Plesschow.

Den 18 february reysede yck van der Plesschow.

³⁵ Hammel-Kiesow R. Hansischer Seehandel... S. 85.

Denn 27 february quam yck vor de Musschow.

Mousschow. Denn 28 february wardt yck in de vorstadt Musschow gebracht.

Denn 1 marty wardt my in der stadt Musschow eyenn hoff in gedan dar yck innen geharbarget worden. Denn 2 marty wardt my eyn perdt unnd sleden gesandt und wardt tho slote gebracht und in de cantzley vor den cantzler gestellt myt namen Andree Jaklowitz Zalkaloff und also ick in de cantzley trede, so sprycket gemelter cantzler myt lachen de munde: Di kenne ick wol, ick hebbe dy wol vor teyn jarn gekennet. Dar up antworde yck: Ick hebbe dyner gnaden wol 15 jar gekennet, darna fragede he myne warne unnd nam miner hern vann Lubeck ehren breff van my unnd leth den vortolcken.

Denn 24 marty wardt my angethoget ich scholde my darna schycken men wolde my also den kunfftigen palmdach vor de Ka. Mait. und herrscher aller Russen stellen.

Den 27 marty wardt yck dorch des grotforsten syne tolmetzschē also Adolff Jaderler und Jurgen van Alen tho slate gehalten und in de cantzley gebracht und darna von den grotforsten gebracht. Also yck nu in des grotfursten gemack quam, so trydt gemelter cantzler jegen den grotfursten und sprycket: «Aldergnedigste Keyser der hern van Lubeck her dener Zacharyas Meyer steydte hyr und biddet dyne Ka. Mat. wolle ehne begnadigen, dat he moge reden, wat ehme van synen hern bevolen ys», dar up gaff ehme de grotforst eyne wencke. Do wende syck der cantzler jegen my und sprack myt luder und starcker stemme: «Zacharyas, de Ka. Mat. hefft dy begnadiget tho reddendte, wat dy van dynem hern bevolet is», dar up gaff yck gem (sic!) grothforsten synen tytel und redede darna dusse folgende worde in dudiesch (und de tolck vortolckede ydt): «Aldergnedigster Keyser, mine hern der fryen stadt Lubeck sampt den 72 steden hebben my tho dyner Keyserlichen mayestett gesandt und bidden dyne Keyserlike mayestet wolle se na dem olden begnadygen, dat se mogen in dyner herschafft Plesschow und Nougarden und in dyner Ka. Mat. stadt in der Musschow kopslagen ahne tollē gelyck wo se by dyner Ka. Mat. vor oldren tyden gedan hebben, dar jegen wyllen syck de stede jegen der Ka. Mat. landen holden gelyck syck ehre vor oldren jegen syner Ka. Mat. vor oldren gehalten hebben». Dar up andworde der grotfurst, (und wisede myt der handt up den cantzler). Dyner hern dondt ys ehme bevolen.

Anno 1586 den 23 april wart my van dem cantzler angethoget wo dat de Ka. Mat. de Lubschen begnadiget hadde, dar beneven de stede so myt der stadt Lubeck enych weren, vor erst myt den halvenn tollē. Ock befolen de hove thor Plesschow und tho Nougarden anthorychtende vor de Lubschen. Und my wardt darby averlevert eyn vorsegelt breff an myne heren van Lubeck und noch twe ander breve eynen an de stadtholders tho Nougarden den andren an de stadtholders thor Pleschow und de copien dersulven breve worden my darby up my begeren gedan und luden up dudiesch aldus. Vor erst den breff an myne heren van Lubeck ludt aldus: Upschrift: «In Lubeck den burgermeystren, radtmannen und burgers». «Von Gottes gnaden van dem groten herrn Kayser und grotfursten foder Iwanuwytz aller Russen der Wolodymerschen, Mousschousschen und Nougorotzschen, eyn Keyser der Kasansschen und Keyser der Asterkanschen, eyn herr der Plesschouwer und eyr grothforst to Smolenscher, Twerschager, Zugorsscheger, Permschager, Weetschoger, Bolgarschoger, Resanschoger, Polotzschoger, Rostoffschoger, Zeroslaffsschoger, Belordsorsscher und anderer herr und grotfurst Nougarden des Nedderlandes, Zernygoffscheger, Berlordtarsschoger, Lyfflandtschoger, Udorsschoger, Obdorsschoger, Konndynschoger und des gantzen Cibiryen landes, und Norder Sydenn eyn gebeder und ander veler lander herr. In Lubeck den borgermeystren radtmannen und burgers. Gy hebben tho

unnsere Ka. Mat. gesandt juwen dener Zacharyas Meyer myt eynem breve und en juwem breff ys geschreven tho uns, dat wy jw Lubschen und de fryen stede, welchere myt jw enych syn, de burgermeysters und ratmannen tho begnadygende und de fryheyt tho gevende juwen kopluden th (sic!) kamende myt gutren in unsere herschafften tho Plesschow und tho Nougarden, und in de Mousschow tho kopslagende fry in der kophandelynge, und jw tho holdende in unsere gnedige beschuttinge under unser keyserliken handt, darumb gelyck unser vader seelyger gedechtnysse de grote herr keyser und grotfurst Iwan Waslyewyts aller Russen jw Lubschen bednadyget hefft und in der kophandelynge fryheyt juwen kopluden gegeben hadde, und gy wyllen uns dar jegen denstyck syn beneven den kopluden myt allerley durbaren gudren in unsere herschafften anheven thokamen lathen. Unde wi hebben juwen breff gnedichliken uthgehoret und hebben vorgeten allerley unrychtycheyt by unsers vaders seeliger gedechtnysse des groten hern keyser und grotforsten Iwan Waslyewyts aller Russen gescheen is. Dar van yck jw angethoget hebbe in unseren vorygen breve by juwer Danyel Koller wegen unser keyserlyken hardtgrundtlyken wyse unser gnaden tho allen fremdelyngen aller lande, de wy wollen erthogen myt gerechttem gerychte unde myt allerley unsen gnaden und hartgrundtlycheyt, gelyck also ydt uns groter chrystyker heer geboren wyl, syne gnade tho allen volckeren, de apenbaren wi jw Lubischen und anderen fryen steden, welckere myt jw enych syn, burgermeystren und radtmannen, de begnadige wy in unsren herschafften thor Plesschow und Nougarden unnd in unsrem keyserdom Musschow juwen kopluden myt allerley kopenschop tho kopschlagende tho kamende vorlovet und tho kopslagende jegen allerley gudt, geve wy ehne den wyllen und eynen gasthoff in unseren herschafften tho Nougarden eynen eygen hoff vor jw alleyne thor Plesschow eynen eygen hoff von jw alleyne vor juwe koplude hebbe wy bevolen tho bereydende hove bosondrygen und, so bevolen in guder acht tho holden, darmyt se mogen fry kopslagen mytt unseren kopluden jegen allerley gudt, nychts buthen bescheden und den tolln van juwen kopluden hebbe my bevolen thonemende de helffte vor allen andren nationen. Unnde wy hebben juwen dener Zacharyas Meyer unsere keyserlycke ogenn geven tho seende und hebbenn ehne van hyr gelathen tho jw gnaden myt dussem unseren breve und wen nu jw dener Zacharyas tho jw kumpt, so wollet ilych upt vor jar senden tho unser Ko. Mat. van dusses donndes halven juwe gude lude und ehne grundtlycken bovel don, wo gy in unsern keyserlyken gnaden wesen schollen und ock juwen kopluden, wo se in unsren herschafften myt kopenschop kamen schollen und in unseren herschafften kopslagen schollen, unde wen nu juwe lude tho uns kamen, und also denne wolle wy juwe meynyng uthhoren und wyllen bovelen up juwe koplude unseren keyserliken begnade breff myt unserem golden seegel van alles thogevende, gelyck wo gy in unser Keyserliken gnaden syn schollen und wo gy in unsren herschafften kopslagen schollen wol nu van juwen kopluden kamen werden in unsere herschafften tho Plesschow und Nougarden, densulven juwen kopluden sy idt fry tho kopslagende myt allerley gudren up ehren hoven, welckere hove wy vor juwe koplude tho grote Nougarden und tho Plesschow hebben bevolen tho bereydende. Geschreven in unser herschafft in unserem have der stadt Musschow int jar van scheppyng der weldt 7094 im monat marty».

Nougarden. Den 24 apryl reysende yck uth der Musschow und den 2 may quam yck tho Nougarden und leth dorch mynen thogeordeenten prysstaven myt namen Iwan Rokotoff des grotfursten schryvent den stadtholder averandtworden, und dersulve leth my tho enbeden se wolden na des grotforsten bevele vor de Lubschen eynen hoff fardigen.

Dat schrivendt van dem grotforsten an de stadtholders tho Neugarden ludet up dudesch wo volget (von de Nougardischen): «Von dem keyser und grotfursten Fedora Iwanowitz aller Russen in unsrem vederlyken arve tho Nougarden unsren Bojaren und Wouwoden dem fursten Foder Mychaelewitz Trubetzkou myt synem mackers und unsern cantzlern Savele Frolowu und Semeke Omeljanowu. Wy don jw kundt idt hebben tho uns gesandt und gesupplyceret de Lubschen sampt den 72 steden, dat wy se scholden begnadigen und de fryheyt geven tho kamende myt kopenschop tho kopslagende tho Nougarden und tho Plesschow und dat ehne mochte tho Nougarden und se thor Plesschow eyn hoff gefardyget werden, besonderlick behalven andere nation, so hebbe wy de Lubschen begnadyget unde geven ehne de fryheyt tho Nougarden und thor Plesschow myt kopenschop tho kopslagende tho kamende und hebben bevolen ehne eynen besonderlyken hoff tho Nougarden tho buwende, unde wen nu dusse unsere breff tho jw kumpt, so wollet eynen hoff utsoken und fardigen vor de Lubischen, damytt ydt eyn gasthoff besonderlyck vor de Lubischen sy, und welckere Lubschen nu werden anfangen tho kamende tho Nougarden, densulven bevelet up dem sulven have tho kopslagende und settet dar eynen guden eddelman hen und lathet se wol in acht nemen, darmyt den Lubschen in der kopenschop van den unsren keynerley bedregerye edder ledt wedderfare, und van den Lubischen scholle gy den halven thollen nemen vor andere nationen, averst van den anderen Dudeschen, Lyfflanders, Sweden und Denen und Lottouwens scholle gy den fulnkamen thol nemen na unserem vorygen bevele, und deme hoffe bevelen wy tho buwende vor de Lubschen uth unsrem schatte im valle dar nu eyn hoff fardych were myt eynem steyn huse, dat kopet na der werde, darmyt de Lubschen ehren hoff mochten gefardyget krygen, und wollet vor allen dyngen de Lubschen wol in acht holden, darmyt ehne van nemande ledt mochte weddervaren, und watterley hoff gy nu werden fardigen, dar van scholle gy uns tho schryven in der gesanten cantzley, und im valle Lubschen tho Nougarden angekamen weren myt kopenschop vor dussem unsren breve, so scholle gy van den sulven Lubschen kopluden den halven thollen nemen vor alle anderen nation na dussen unsren breve geschreven in der Musschow anno 7094 den 30 marty».

Den 3 may reysende ych uth Nougarden.

Plesschow. Den 6 may quam yck vor de Plesschow und schyckede des grotfursten schryvent in de stadt an des weuwoden und dat sulve schryvent ludet Aldus (Dat schryvent an de Plesschousschen): «An de Plesschousschen. Von dem keyser und grotfursten Fodora Iwanowytz aller Russen in unsrem vederlyken breve thor Plesschow unsrem weuwoden dem fursten Wassylie Demytrewytz Gylkowen und Grygory Iwanuwytz Meseninowu Umerosowu und unsrem cantzlern Ilumenu Bulgakowu und Iwan Andreewu. Wy don jw kondt idt hebben tho uns gesandt und gesupplyceret de Lubschen sampt den 72 steden, dat wy de schollden begnadigen und de fryheyt geven tho kamende myt kopmans gudren tho kopslagende for Plesschow und tho Neugarden, und dat ehne mochte eyn hoff thor Plesschow und tho Nougarden geferdyget worden vor ehne alleyne, alle andere nation buthen bescheden. Hyr up hebbe wy de Lubschen begnadiget und geven ehne de fryheyt thor Plesschow myt kopmans gudren tho kopslagende thokamende und hebben bevolen eynen hoff upthorychtende vor ehne alleine. Und wen dusse unser breff nu tho jw kumpt, so erwelett eynen hoff bereydende vor de Lubschen und dat de hoff eyn eygener gasthoff vor de Lubschen sy, und wen nu henvorder de Lubschen worden anfangen tho kamen- de thor Plesschow, so scholle gy ehne bevelen up demsulven have tho kopslagende und schollen ock eynen guden eddelman vorordenen, se in guder vaster acht thonemende,

dar myt den Lubschen in der kophandelinge van unsren volckren keyn bedroch edder hynderlyst wedderfarn in keynerley wyse und dat de tolle genamen werde van den Lubschen up de helffte, averst van den anderen Dudeschen alse van Lyfflanders, Lettouwens, Sweden und Polen schelle gy den fullenkamen tol nemen na unsrem vorygen bevele, und den hoff scholen de inwaners buwen edder, so eyn hoff dar fardych were, schollen se den-sulven kopen, darmyt dat den Lubschen de hoff mochte bereydet warden, und wollet in guder vaster acht holden, darmyt den Lubschen keynerley hinder edder schade van keynem weddervare, und im valle dar andere Dudeschen worden kamen thor Plesschow mit kopenschop van der Narve edder van Iwangerodt, edder van ander Dudeschen steden, de scholle gy kamen lathen und lathen se kopslagen und schollen den tolln van ehne nemen, na unsrem vorygen gegevenen bevele, und bevele nyrmyt demsulven gelyckfals in guder acht tho nemen, darmytt dat ehne van nemande ledt mach wedderfaren, dat ehne thon unehren gedyn mochte, darmyt se henferner wolgefelych wedder kamen mochten myt kopenschop und settet ehne gude vorstendige prisstaven und allerley thollen, so van ehne genamen werdt, scholle gy besundrygen samlen und in den bokren anteken, besonderlyck buthen der gemenen tolln und schollen uns darvan tho schryven na der Musschow in Andree Zalkaloff bevel, wovele dat des tolgeldes van den Dudeschen gesamlet werdt up ider monat und so dar Lubsche koplude angekamen syn thor Plesschow vor dussem unsren breve tho kopslagende, so scholle gyvan den Lubschen kopluden nemen den halven tholle vor allen anderen nationen na dussem unsren itzygen bevele. Geschreven in der anno 7094 den 30 marty».

Alse de inwoners der Plesschow nu vornemen und ju dar warheyт ersporeden, dat de grothforst de de Lubechen mit eynem sonderlyken have begnadiget hadde, welchs ehne gar entjegen was, do dreven se dat myt den heren thor Plesschow, dat my de heren tho enbeden lethn, idt were war, dat de grotforst geschreven hedde, men scholde vor de Lubschen eynen hoff fardigen thor Plesschow, averst dar stunde nycht inne effte men den hoff in der stadt edder vor der stadt buwen scholde, derhalven scholde yck an den grotforsten suppliceren, wor denne de grotfurst bevelen wurde, dar men den hoff henne buwen scholde, dat wolden se dhon. De weuwoden vorstunden dut wol bether, averst de Plesschouwers hadden se umgekofft nycht geschencke, den de Plesschowers nothen wolkrygen de Lubschen eynen hoff in de stadt, so hefft unse bedregerye eyn ende denne der Plesschoussche handel ys itzyger tydt aldu gestalt in der kopenschop. Wenn eyn Plesschouwer flas, hennep edder talch hefft und wyl myt eynem Dudeschen kopslagen, so kumpt de Russe vor de stadt und wyset dem Dudeschen eyne gude thoge und sweret dennoch hoch und dur darby ydt sy althomale dorch uth also dar up werdt als denne de kop upgeslaten (denne de Dudeschen mothen nycht in de Plesschow ghen) wen nu dat gudt uth der stadt thor wage kumpt, so befindet ydt syck vele anders, wyllen denne de unsren klagen aver solcken bedroch, so konen se doch sulven nycht in de stadt vor de overycheyt komen, senden se denne eyne supplication be deme, de ehne dartho vorordent ys, na der stadt, so werdt de supplication under geslagen und de unsren mothen alle tydt unvorhorder sake unrecht hebben, denne ehre klage kumpt nummermer vor de hern, wo yck dat genochsam erfahren hebbe.

Darmyt yck averst der weuwoden beger genoch dede, loth yck eyne korte supplication stellen ludet up dudesch aldus: «Supplication vor den grotforsten. Herr keyser und grottfurst Fodora Iwanowitz aller Russen, idt suppliceret eyn Lubscher Zacharyas Meyer. Herr, idt hebben my gesandt de Lubschen burgermeyster und radtmannen und de stede,

so myt uns enych syn, an dy, herr, tho supplicerende drumb, dat du uns, heer, wollest begnadigen und de fryheyt geven tho grote Nougarden und thor Plesschow tho kopslagende und eynen hefft vor uns sunderlyken tho Nougarden und tho Plesschow an tho rychtende, behalven der anderen gasthave, und du, heer, heffet uns begnadiget und heffet uns fry gegeven tho Nougarden und thor Plesschow tho kopslaende, ock bevelen vor uns sonderlyken hove anthorychtende und, heer, dyne wouwoden und cantlern thor Plesschow weten nycht, wor se den hoff henne buven schollen. Aldergnedygster Keyser und heer, erthoge dyne gnade unnd bevele den hoff vor uns tho buwende up de olde stede, dar vormalz unser Lubscher hoff gewesent ys, heer, erthoge dyne gnaden dusse vorgeschreven supplication den hern thor Plesschow avergeven effte se nu desulven na der Musschow senden warden, ys my unbewust».

Folget wyder: De weuwoden thor Plesschow hadden den Lubschen anseggen lathen, wo dat se der grotforst begnadyget hedde, dat se nycht mer also den halven thollen geven schollden. Nu weren Knes Iwan Petrowytz Jutzschoy syne deners bevelych hebbes up dem have, dar nu de Dudeschen liggen, und dewyle de grotforst gemelten Knesen myt aller inkumpst thor Plesschow begnadyget hadde, so wolde syck syn volck an des grotforsten schrivent nycht grot keren, sondren lethens sych vornemen, se passeden up dat schryvent nycht grot, se wolden den tolleren na den olden nemen, idt were denne, dat her heer Knese Iwan Petrowytz ehne thoschreve, dat se men de helffte nemen schlden, deme wolden se gelouen stelen, de wyle yck nu nycht eygentlyken wethen konde, wo se ydt myt dem tolleren holden wolden, so drycht idt sych enen myt my tho, dat yck eynem Plesschower myn perdt vorkope und gha ehrem gebruke na up de tolleren bode und lathe den kop vorschryven und wolde den halven thol betalen, dar wolden Knes Iwan syne lude nycht an, sondern spreken, wy denen unseren heren und leven synen bevele na, darup andtworde yck, so hore yck wol gy achten des groyforsten schryvent gar nychts, so werde yck mynen hern eynen vorlagen breff bryngen, darup spreken se, dar hedden se nycht myt tho donde, ick scholde ehne men den vulnkamen tol betalen, dewyle yck nu sach dat ydt anders nycht syn konde, do betaledede yck ehne denn gantzen tolleren myt gar schymfflyken worden, gy ehren juwen grotforsten dapper vor fremder nation.

Darna erfaren Knes Iwan Petrowitz syne lude, dat yck hyr van supplyceren wolde, darhalven brukeden se jegen my eyn rusch stucke und senden my den 12 may eynen prysstaven im schyne, also wen he van den weuwoden gesant were, de kumpt myt ungestume tho my up den hoff und sprycket, de weuwoden senden my her und hebben my bevolen dy antho thogende, dat du dy schalt van hyr maken myt wyllen, wo nycht so schal yck dy myt gewalt van hyr wysen. Demsulven gaff yck thor andtwordt, wanner ick miner hern sake vorrychtet hedde, so wolde yck gerne reysen und nicht her, wolde he averst gewalt an my bruken, dat wolde yck Godt und dem grotforsten bevelen und wolde hyr vor erst van geprotesteret hebben, darmyt gynck de hen, myddeler tydt leth yck dusse supplication stellen, ludet in Dedesch aldus: «Supplication an den grotforsten. Her keyser und grotfurst Fodora Iwanuwytz aller Russen, idt supplyceret eyn Dudescher Zacharyas Mayer wegen 72 stede. Ick, here, hebbe dy, here, myn hovet geslagen in der Musschow, dat hebbe dy, here, myn hovet geslagen in der Msschow, dat du uns, here, wollest vorloven tho grote Nougarden und thor Plesschow uns Lubschen beneven den 72 steden tho kopslagende na dem vorygen, ock synen gasthoff tho bereydende na dem vorygen und du, heer des hyllygen Ruslandes, heffst uns begnadiget und uns Lubsten vorlovet tho grote Nougarden und thor Plesschow tho kopslagende und ock eynen hoffe na dem olden tho bereydende. Und

dynen keyserlycken breff hebbe yck thor Plesschow averlevert den weuwoden dem fursten Wasslyo Demytrewytz Gylkowu und Grygorye Iwanuwytz Meseninowu Morosowu und den cantzlern Jlmenu Bulgakowu und Iwan Anndreewu, dar inne heffet bevolen van uns Lubschen wan ehren gudren dynen keyserlyken thol thonemedede vor allen nationen uth up de helffte. Und, heer, also yck thor Plesschow byn angekomen und hebbe eyn perdt eynem Plesschower vorkofft und kame up den Dudetschen gasthoff den tolln tho betalende na lude dynes keyserlyken begnade breves up de helffte vor allen natien uth, averst se hebben van my den fulnkamen tolln genamen und nycht de helffte baven dynen keyserlyken bevel und hebben dynen Keyserliken breff vor unreyniget und, heer, wo schal yck myt dynem keyserlyken groten breve tho unser stadt tho mynen heren reysen. Heer, erthoge dyne gnade».

Also yck nu thor Plesschow dusse supplication avergegevn hadde, da krech yck ersten fyende und ock ungunst alsodat avermals den 15 may eyn prysstave tho my quam und wolde my myt gewalt wech wysen, averst deme gaff yck thor andtwordt, se mochten myt my don, wat se wolden, myt mynem wyllen wolde yck nycht wech wysen, men scholde my denne ersten seggen, effte se den halven thollen nemen wolden van den Lubschen na lude des grotfursten breve edder nycht, darmyt yck wuste, wat yck mynen hern seggen scholde, darup gaven se my thor andtwordt, se wolden des grotforsten breve genoch dhon, und yck scholde ghan up de tolln bode, men scholde my de helffte thollen weddergeven.

Den 16 may wardt yck gefodert up de thollen bode unnd my wardt de halve thol weddergeven, welckes yck in de hand nam und kussede ydt und sprack, yck dancke dem grotforsten vor syne gnade und wen ydt men eyn strohalm were, denne my were, ydt so grot nycht umb de 2½ dennynck myne heren hedden, my ahne datt thaergeldes genoch myt gedan, averst ydt were my umb des grotforsten syne grote begnadyng tho donde, nu scholle gy my nyctesjagen, wyl nu sulven gerne reysen und gha darmyt van der tolln bode.

Den 17 may reysede ick van der Plesschow aver landt na Essdone.

Essdone. Den 19 may quam yck the Essdone.

Den 21 may quam yck in de Narve.

Narve. Den 23 may reysede yck uth der Narve.

Revel. Den 26 may quam yck in Revel.

Den 28 may up den myddach uth Revel tho segel myt schypper Mattyas Hynckelman.

Lübeck. Den 6 Juny fro morgens quam ick ein Lubeck und umb 9 uhr leverde yck des grotforsten breff hern Hynryck Stortynck tho unser leven fruwen.

Anno 1586 im monat July wardt ick van einem erbarn hochwysen rade thom andrenmal myt eynem breve affgefardyget na der Musschow an den grotforsten umbe eynen geleytsbreff tho halende.

Den 26 july reysede yck uth Lubeck na Travemunde wyllens tho segelen myt schypper Jacob Wentzel na der Narve.

Den 28 july den morgen umb 7 uhr tho degel van Travemunde.

Den 2 August umb de klokke 10 vormyddage queme wy up de Narvesche reyde und den namyddach quam yck bynnen de Narve.

Den 5 augusti reysede yck uth der Narve.

Den 13 augusti quem yck vor de Plesschow.

Den 15 augusti sanden de stadtholders uth der Plesschow tho my eynen Bojarenn und lethten van my fordern den breff, so an den stadtholder thor Plesschow geschreven was. Demsulven gaff yck thor andtwordt:

Myne heren van Lubeck hidden my bevolen, ick scholde den breff dem stadtholder sulven averandtworden, denn muste yck nakamen, im valle my nu de stadtholder nycht wolde vor syck kamen lathen, also denne muste ick dhon also deme gelegenn were.

Darup krege yck thor andtwordt, men wolde my morgen vorstellen.

Den 16 augusti wardt yck vor de hern thor Plesschow in de radstuben gefoldert und aldar avergaff yck den breff, so an dem stadtholder geschreven was, und badt darbeven, men wolde my vorgunnen ahne ungnade tho reddened, dat wardt my vororlovet.

1. De vormande ick de hern van wegen des grotforsten breve, so an myne hern geschreven were, darinne syck der grotforst aller gnaden erbaden hadde, ock den halven thol uth gnaden erlathen und solchs wurde nycht gehalten, konde nycht wethen effte ydt des grotforsten wylle were edder nycht.

2. Thom anderen begerede yck, de heren wolden eyn inseent don wegen der solwyche, denne myt der soltwychte wurde unrecht gehandet.

3. So weren ock de gasthove na des grotforsten bovelen noch nycht angerychtet.

4. De unsen werden falschlyken beklaget und komen dar jegen nycht tho gehor kamen, solchs alles were jegen des grotfursten bovel.

Darup gaff mi der stadtholder dusse antwort:

1. So vele dem halven tolln belangende, dat hedde he bevolen, dat men nycht mer also de helffte van den Lubschen nemen scholde, geschege nu solchs nycht, dat wuste he nycht.

2. Van wegen der soltwychte, dar scholde na geforschet werden.

3. De Dudeschen van deme have hedden gesupplycert, se hedden eynen guden hoff, se begerden keynen betheren.

Dar up andtworde yck, dat hadden de Dudeschen gar keynen bevel, stunde ock nycht in ehrer macht.

De gesupplyceret hebben (wo yck berychtet byn), dat is Hans Engelstede und Harmen Oldenhoff.

Den 20 augusti reysede yck van der Plesschow.

Musschow. Den 29 augusti quam yck in de Musschow.

Den 2 septembry vorderde my der cantzler Andree Jaklowytz Zalkaloff in de cantzley und entpfende van my der heren breff; und do he van my vornam, dat yck uth keynen andren orsaken gekamen, was alleyne van wegen des geleydes, do sprack he tho my, wo geloven dyne hern dem vorygen schryvende nycht? Dar up andtworde ick, idt were in Dutschelandt nycht gebrucklych ohne apen geleyde gesanten tho senden.

Den 23 septembri wart yck vor den cantzler in de cantzley gefordert, aldar wardt my im namen und van wegen des grotfursten de schryfftlyck andtwordt averandtwordet an myne hern van Lubeck benevenst eynem geleyttsbreve. Erstlyck de vorsegelde breff ludet up dudesch aldus: «In Lubeck den burgermeystren, radtmannen und burgers. Von Gottes gnaden van dem groten hern Keyser und grotfursten Fodera Iwanuwytz aller Russen der Wolodymerschen, Mousschousschen und Nougorotzschen, Keyser der Kasansschen und Keyser der Asterkanschen, eyn heer der Plesschow und grotforst tho Smolensche, Twerschago, Jugorschog, Permschago, Weetschogo, Bulgarsschogo und anderer mer heer und grotfurst tho Nougarden des Nedderlandes, Zernigoffsschogo, Resansschego, Poletzschogo, Rostoffschogo, Jeroslaffeschogo, Belosarsschogo, Lyfflandtschen, Udersschogo, Obdorsschogo, Konndynsschogo und des gantzen landes Sibiryen und Norder Syden eyn gebeder. In Lubeck den burgermeystren radtmannen unde burgers, gy hebben tho unser

Ka. Mat. gesandt juwen dener Zaharyas Meyer myt eynem breve und hebben in juwen breven tho uns geschreven, wo dat van unser Ka. Matt. juwem supplicerende na unser Ka. Matt. breff van juwem dener Zacharias Meyer jw thon handen gekamen ys und dat gy unsren breff in groten freuden angeneamen hebben, dat wy juwen kopluden de fryheytt gegeben hebben und andren fryen steden, welckere myt jw enych syndt, in unsren heerschafften myt kopenschop tho kamende und tho kopslagenden. Ock dat wy bevolen hebben tho Nougarden und thor Plesschow vor ehne hove an thorychtende na dem vorygen vor jw sulvest alleine und dat ock unser Ka. Matt. gelyckfals juwe koplude in guder acht tho holden bevolen hebbe. Ock de hove tho Neugarden und thor Plesschow tho bereydende und dat gy wollen deshalven tho unser Ka. Matt. senden van wegen grotere begnadynge und dorch juwe gesandten tho bevestygen und van alles tho supplicerende und dat jw dener Zacharias myt unserem breve spade angekamen sy und gy konden nu tho unser Ka. Matt. juwe gesanten nycht affardygen, sondren wollen juwe gesandten an unse Ka. Matt. up den sommer myt dem ersten wege affardygen und myt ehne van alles tho unser Ka. Matt. bevelych dhon gelyck under Ka. Matt. denstyck syn werdt, und dat wy nu up de juwe gesanten myt juwem dener Zacharyassen jw senden schollen unsren geleytsbreff, dar myt se tho unser Ka. Matt. mochten kamen und ock wedder wech reysen sonder gefar und myt fryen wyllen. Unde wi hebben juwen breff gnedichliken uthgehoret und bevelen juwen dener Zacharyassen wech tho lathende ud myt ehme den geleytsbreff vor juwe gesanten gesandt, dat se mogen kamen tho unser Ka. Matt. und ock wedder wech then sonder jenigerley anholdent unde vor juwe koplude in unsren heerschafften tho Nougarden und Plesschow ys bevolen de hove tho boreydende vor ehne sulvest alleyne in jegenwardycheyt juwes deners Zacharyassen und syndt nu fardych und den tollen van juwen kopluden, welckere anheven tho kamende hebbe wy bevolen tho nemende na dem vorygen bevele alle nation buthen bescheden de helffte, ock bevelen se gelyckfals in gude acht thonemende na der vorygen begnadynge unde juwen dener Zacharyassen hebbe wy lathen reysen und nycht angeholden. Geschreven in unser heerschafft in unsem have der stadt Musschow int jar van scheppinge der weldt 7095 im monat septembry».

De copie des geleitbrevs up dudesch aldus: «Gott in der drefoldicheit hochromlike gnade. Wy groter heer Keyser und grotforst Foder Iwanuwytz aller Russen der Wolodymerschen, Mousschousschen und Nougerotzschen, keyser der Hasansschen, keyser der Asterkanschen, eyn heer der Plesschouwens und grotforst der Smolenders, Twersschi, Jugorsschi, Permschi, Weetzchi, Bolgarsschi unde anderer heer und grotfurst Nougarden des Nedderlandes, Zernigoffsschi, Resansschi, Polotzschi, Rostoffsschi, Jeroslaffesschi, Beloufarsschi, Lyfflandtschi, Udorsschi, Obdorsschi, Konndynsschi und des gantzen landes Sibiryen und der Norder syden eyn gebeder unde anderer vele mer lender heer. Unser keyserliken hochehaven mayestett. In Lubeck den burgermeysteren radtmannen und burgers, unser keyserlyke wordt ys datt: Gy hebben tho unser Ka. Matt. gesandt juwen dener Zaharyas Meyer myt eynem breve tho supplicerende, dat unser Ka. Matt. jw wolde thosenden up juwe gesanten unsren geleytsbreff, und welckere gesanten gy senden warden, desulven juwe gesanten mogen kamen tho unsern Ka. Matt. heerschafften in de Musschow, se mogen ock wedder tho ruge reysen myt gudem wyllen myt alle ehren volck und gudren sonder jenygerley anholdent und ehne werdt keyn leydt edder anholdent in keynerley wyse in unsren heerschafften wedderfaren na lude desses unsers breves und dusse unser Ka. Matt. breff ys vor juwe gesanten und dusse unser Ka. Matt. breff ys

vor juwe gesanten und ock geleyde geschreven in unser heerschafft in unserem have der stadt Musschow int jar van scheppinge der welt 7095 im monat September».

Anno 1586 den 27 septembri reysede yck uth der Musschow.

Nougarden. Den 4 octobry quam yck in Nougarden und aldar wart my dorch twee Bojarn der Lubschen hoff ingerumet na lut des grotforsten synem schryvende.

Plesschow. Den 5 octobry reysede yck van Nougarden und quam den 9 octobry thor Plesschow.

Den 10 Octobry sanden de hern tho my uth der Plesschow eynen Bojarn und lethen my ansegen, ick scholde den hoff beseen, so vor de Lubschen gebuwet were, dar up gaff yck ehme thor andtwordt, den hoff, den gy my wysen wollen, dat ys Jurgen Igolken syn hoff, den hebbe yck lange wol gewust, dar up sprycket de Bojare, he wolde solchs den hern anhegen. Dewyle de hern keynen hoff gefardyget hadden na des grotfursten bevelle, do lath yck dusse folgende supplication stellen. Gescheen den 12 octobry und ludet up dudiesch aldus (Supplication up hern thor Plesschow): «Her Keyser und grotfurst Foder Iwannuwitz aller Russen, idt supplyceret eyn Lubschen myt namen Zacharyas Meyer. Heer, idt hebben my gesandt de lubschen burgermeysters radtmannen und burgers, ock de stede, so myt uns enych syn, tho supplicerende wegen der kophandelynge, dat du, herr, uns wollet begnedigen und fry geven tho kopschlagende na dem older in dyner heerschafft tho Musschow und tho groten Nougarden und thor Plesschow, und du, heer, hefft uns begnadyget und bevolen dynen bevelchhebbers vor unse reysende volck in dnm vederlyken arve tho grote Nougarden und thor Plesschow hove an thorychtende, dar hen wy mochten kammen tho kopschlagende, und, heer, tho grote Nougarden hebben dyne bevelchhebbers vor unse reysende lude na dynem bevele eynen hoff angerychtet. Avers, heer, thor Plesschow dyne bevelchhebbers hebben uns gewysset eynen hoff vor unse reysende lude aver de Becke, averst, heer, vormals hebbe wy den hoff vor unse reysende gehat in der stadt na Sabschow, und, heer, wy hebben beth her tho alhyr na der Pleschow kopschlagen nycht gereyset, uth den orsaken, dat domals de kopenschop gehalten wardt thor Narve, so lange de Narve under dyner regerynge was. Averst nu, heer, konne wy up dem hove aver de Beeke gelegen nycht kopschlagen uth dussen orsaken dat de hoff gar am ende steyd, unde, heer, wen sych eyn unfrede erhove myt dem Polen und myt dem Sweden und dat se in der ile quemen under de Plesschow, so wurden se unsere guder nemen und wy worden dar durch vordarven. Und, heer, de bevelhebber, welckerem de hoff bevolen ys, aver de Beke myt namen Jacop Zuseryn, de wyl uns myt gewalt up den hoff hebben, averst, heer, na dynem schryvende hefft du bevolen uns Lubschen eynen hoff thor Plesschow anthorychtende unde debevelshebber levet nycht myt uns na dynem bevele, sonderen scheldet uns und vorunehret uns und holt uns nycht in guder acht. De supplication, so wy ehme dhon wegen unser gebreke und bevelen ehme desulven in de stadt tho bryngen tho dynen bevelchhebbers, desulven supplication brynget he nycht tho dyner bevelichebers. Aldergnedigster keyser, erthoge dyne gnade und bevele eynen hoff vor unse reysende an thorychtende up de olde stede in der stadt und bevele uns tho gevende eynen guden edelman. Keyser und heer, erthoge dyne gnade».

Den 13 october quam ick thor Plesschow vor de porte und leth my inwarven myt dusser supplication, averst de hern lethen my tho en beden, se hedden nychts myt my tho donde, dar up leth yck ehne wedderumb hen tho enbeden, weshalven se syck hoger heelden also de hern in der Musschow de my dennoch alle tydt sulven vor syck kamen lethen, averct yck krech thor andtwordt, wolde yck ehne de supplication senden, dat mochte yck

don, wo nycht so mochte yck reysen, wen yck wolde, muste ehne also de vorgemelte supplication hensende, dar up lethen my de hern uth der Plesschow tho enbeden, men wolde solchs an den grotforsten gelangen lathen, wor he denne bevelen wurde, dar men den hoff buwen scholde, deme wolden so na kamen, dar myt hedde yck myn beschedt.

Iwan Andreewitz. Den 14 octobr(y) sande der cantzler Iwan Andreewitz tho my uth der Plesschow und begerde van my eyne copyen miner avergegeven supplication unde gaff vor he besorgede, de herren mochten myne avergegevenen supplication nycht an den grotforsten senden, darmyt he averst in kunfftygen tyden nycht mochte beschuldiget werden, so wolde he de copyen dersulven na der Msschow senden, leth my dutt also gehalben, effte idt averst tho deme ende gemenet ys, dat ys my noch thor tydt unbewust, dat werdt de tydt geven werden.

Den 14 octobr: reysede yck van der Plesscow.

Narva. Den 17 octobr(y) quam yck thor Narve.

Den 30 octobr(y) up den avendt tho segel van der Narverken reyde schypper Carsten Oldenbostel (voredе eynen kreyer).

Lubeck. Den 7 Novembr(y) quam yck Gott loff in Lubeck und den breff beneven dem geleyde averlevert dem wordthebbende burgermeyster hern Johann Ludynckhusen.

Den 31 marty anno 1587 dutsulve den erbarn und furnemen Andreas Sivers, Hartich Holtsche, Hans Wytte und Johan Karstens (itzyger tydt frachthern des Nougardeschen cuntors) avergegeven in Lubeck ut supra.

Zacharyas Meyer

В переводе на русский язык текст документа выглядит следующим образом.

Поездка Захарии Мейера в Москву 1586–1587 гг.

В год 1586, 10 января, Захария Мейер был отправлен почтенным, высокому-дрым советом города Любека с письмом к великому князю Федору Иоанновичу, [государю] всех русских. Точно так же 26 июля он был снаряжен во второй раз. И все, что им ныне милостью Божьей завершено в ходе обоих этих путешествий, [предпринятых] по поводу захиревшей новгородской конторы по поручению нынешних господ фрахтовщиков (*frachthern*)³⁶, а именно почтенных и благородных Андреаса Сиверса, Ханса Беренса и Хартига Хольдче, находится в следующем пояснении, собственноручно [им] переданном 31 марта 1587 г.

В год 1586, 10 января, я выехал из Любека сухопутным путем в Москву.

16 февраля я прибыл в Псков.

18 февраля я выехал из Пскова.

27 февраля я прибыл к Москве.

Москва. 28 февраля меня доставили в пригород Москвы.

1 марта мне выделили подворье в городе Москве, где я и поселился. 2 марта за мной прислали коня и сани, доставили [меня] в замок (Кремль. — М. Б.) и привели в канцелярию (приказ. — М. Б.) к канцлеру (дьяку. — М. Б.) по имени Андрей Яковлевич Щелкалов (*Zalkaloff*), и когда я пришел в канцелярию, то названный канцлер с улыбкой на устах сказал мне: «Я хорошо тебя знаю, познакомился с тобой лет

³⁶ Господа фрахтовщики — в данном случае старшины «новгородских гостей» из Любека.

десять тому назад». На что я ответил: «Я с твоей милостью знаком вот уже 15 лет», после чего он спросил мои верительные грамоты, взял у меня послание моих господ из Любека и приказал его перевести.

24 марта меня уведомили, что мне следует готовиться к тому, что в будущее Вербное Воскресенье я предстану пред Его Царским Величеством и государем всех русских.

27 марта меня привели в Кремль толмачи великого князя, а именно Адольф Яделер и Юрген фон Алэн, и доставили в канцелярию, а потом к великому князю. Когда я вступил в великокняжескую палату, названный канцлер стал против великого князя и сказал: «Всемиловитейший царь (*Keyser*)! Слуга господ Любека, господин Захария Мейер стоит здесь и просит Твое Царское Величество его пожаловать, чтоб он мог молвить приказанное ему его господами», на что великий князь сделал ему знак. Тут канцлер повернулся ко мне и сказал громким и зычным голосом: «Захария, его царское величество пожаловал тебя молвить приказанное тебе твоими господами». В ответ на это назвал я великому князю его титул и потом молвил по-немецки следующие слова, и толмач перевел: «Наимилостивый царь, мои господа в свободном городе Любеке совместно с 72 городами послали меня к Твоему Царскому Величеству и просят Твое Царское Величество пожаловать их по старине, чтобы они могли в твоём владении Пскове и Новгороде и в граде твоего величества Москве торговать беспошлинно подобно тому, как они совершали у Твоего Царского Величества со старых времен; в свою очередь, города хотят в отношении Твоего Царского Величества земель вести себя так, как их предшественники вели себя в отношении Твоего Царского Величества в старину». На это великий князь отвечал, указав рукой на канцлера: «Твоим господам следует обратиться с этим к нему».

В год 1586, 23 апреля, меня от имени канцлера уведомили, что Его Царское Величество пожаловал любекцев наряду с [жителями] городов, которые едины с городом Любеком, прежде всего половинной пошлиной, а также повелел учредить для любекцев подворья в Пскове и Новгороде. И мне при этом передали скрепленное печатью послание к моим господам в Любеке и еще два других письма — одно к наместникам Новгородским, а другое — к наместникам Псковским; и при этом мне, по моему желанию, были сделаны копии этих писем, и по-немецки они звучали так. Прежде всего, письмо к моим господам в Любеке, гласящее: «Бургомистрам, ратманам и бюргерам в Любеке. От Божьей милостью великого государя, царя и великого князя Федора Иоанновича, [государя] всех русских, Владимирского, Московского и Новгородского, царя Казанского и Астраханского, государя Псковского и великого князя Смоленского, Тверского, Югорского, Пермского, Вятского, Болгарского и прочая, государя и великого князя Новгорода Нижнего, Черниговского, Белозерского, Лифляндского, Обдорского, Кондинского и всей Сибирской земли, и всей Северной страны повелителя и государя многих иных земель. Бургомистрам, ратманам и бюргерам в Любеке. Вы посылали к Нашему Царскому Величеству вашего служителя Захарию Мейера с вашим посланием и несколькими письмами к нам, чтобы мы вас, любекцев, и свободные города, объединенные с вами, бургомистров и ратманов пожаловали и предоставили вашим купцам свободу прибывать с товарами в наши владения, в Псков и в Новгород, и в Москву, чтобы свободно торговать и чтобы вас держать под нашей милостивой защитой под нашей царской рукой,

подобно тому, как наш блаженной памяти отец, великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич, [государь] всех русских, вам, любекцам, пожаловал и предоставил вашим купцам свободу торговли, и вы взамен изволите нам служить тем, что будете позволять купцам прибывать в наши владения со всякими дорогостоящими товарами. И мы милостиво заслушали ваше послание и забыли всяческую несправедливость, каковая случалась при нашем блаженной памяти отце, великом государе, царе и великом князе Иване Васильевиче, [государе] всех русских. О том я уведомлял вас в наших прошлых письмах при вашем Даниеле Коллере ввиду нашей неизменной царской милости ко всем чужеземцам со всех земель, которым мы желаем оказывать справедливый суд и всякие наши милости и наибольшим тщанием, равным образом, как это присуще нам, великому христианскому государю, свою милость, как всем народам, мы объявляем и вам, любекцам, и прочим свободным городам, которые с вами едины, бургомистрам и ратманам, которым мы жалует в наших владениях, в Пскове и в Новгороде, и в нашем царстве Москве, вашим купцам приходить торговать со всяким товаром и торговать против всяческого товара, и мы даем им соизволение и гостевое подворье (*gasthoff*). И мы приказали подготовить особые подворья — в нашем владении Новгороде собственное подворье только для ваших [любекцев] [и] в Пскове собственное подворье только для ваших купцов — и также приказали содержать [подворья] в добром уходе, чтобы они [любекцы] могли свободно торговать с нашими купцами против любого товара без всякого исключения, и пошлины с ваших купцов мы повелели взимать в половинном размере того, [что полагается] для всех других наций. И мы вашему служителю Захарии Мейеру позволили предстать пред наши царские очи и повелели его отпустить отсюда к вашим милостям с этим нашим письмом; и когда ваш служитель Захария прибудет к вам, соблаговолите спешно, в течение года, направить к Нашему Царскому Величеству по этому делу ваших добрых людей и им строго наказать, как вам следует пребывать в нашей царской милости, а также вашим купцам, как им в наши владения следует прибывать с товарами и как в наших владениях торговать; и когда ваши люди прибудут к нам, и как мы соблаговолим выслушать ваше мнение, мы хотим повелеть дать для ваших купцов нашу царскую жалованную грамоту с нашей золотой печатью о том, что вы пребываете в нашей милости и можете торговать в наших владениях, и кто бы из ваших купцов не стал прибывать в наши владения, в Псков и Новгород, тем вашим купцам позволено свободно торговать всяким товаром на их подворьях, и те подворья мы повелели подготовить для ваших купцов в Великом Новгороде и Пскове. Писано в нашем владении, на нашем дворе в городе Москве в год от сотворения мира 7094, в месяц март».

Новгород. 24 апреля я выехал из Москвы и 2 мая прибыл в Новгород и приказал через приданного мне пристава по имени Иван Рокотов передать наместникам письмо великого князя, и те приказали мне сообщить, что они по приказу великого князя подготовят подворье для любекцев. В письме великого князя к новгородским наместникам по-немецки значит следующее (о новгородцах): «От царя и великого князя Федора Ивановича, [государя] всех русских боярам и воеводам в нашей отчине Новгороде, князю Федору Михайловичу Трубецкому с его помощником и нашим канцлерам [дьякам] в нашей отчине Новгороде, Савелию Фролову и Семейке Емельянову. Извещаем вас, что любекцы вместе с 72 городами к нам направили посольство и били нам челом, чтобы мы их пожаловали и дали свободу

купцам прибывать для торговли в Новгород и Псков, и чтобы им можно было б изготовить в Новгороде и в Пскове подворье особо от прочих наций, и мы, таким образом, пожаловали любекцев и дали им свободу прибывать для торговли с товарами в Новгород и в Псков, и приказали построить им в Новгороде особое подворье; и когда это наше письмо к вам прибудет, приступите к изготовлению подворья для любекцев; и когда те любекцы начнут прибывать в Новгород, повелите им на том подворье торговать и назначьте туда одного доброго пристава (*eddelman*) и прикажите хорошо их соблюдать, чтобы любекцам в торговле от наших не чинилось никакого обмана или обиды; и с любекцев вам следует взимать пошлины в половину от иных наций, но с прочих немцев, ливонцев, шведов, датчан и литовцев вам следует взимать полную пошлину, согласно нашему прежнему приказу; и подворье мы повелеваем вам построить для любекцев в счет нашей казны, а в случае, если ныне там есть готовое подворье с каменным домом, купите его по его цене, чтобы любекцы могли получить свое подворье готовым, и во всех делах соблюдайте любекцев, чтобы им ни от кого не чинилось обид, а если вы подворье ныне будете строить, вам надлежит о том нам написать в Посольский приказ (*gesanten cantzley*); в случае если любекцы уже прибыли в Новгород с товарами по этому нашему письму, вам следует с этих любекских купцов взимать половинную пошлину относительно других наций по этому нашему письму. Писано в Москве в год 7094, 30 марта».

3 мая я выехал из Новгорода.

Псков. 6 мая я прибыл к Пскову и послал письмо великого князя в город к воеводе, и то письмо гласило следующее (письмо к псковичам): «От царя и великого князя Федора Ивановича, [государя] всех русских, в нашу отчину Псков нашему воеводе, князю Василию Дмитриевичу Хилкову и Григорию Ивановичу Мещанинову-Морозову и нашим канцлерам Сулменю Булгакову и Ивану Андрееву. Извещаем вас, что любекцы вместе с 72 городами к нам посылали посольство и били нам челом, чтобы мы их пожаловали и дали свободу прибывать с купеческими товарами для торговли в Новгород и Псков и чтобы им можно было изготовить в Новгороде и в Пскове подворье для них одних, особо от прочих наций. На это мы пожаловали любекцев и дали им свободу прибывать для торговли с товарами в Новгород и в Псков и приказали учредить в Пскове и в Новгороде подворье только для них одних. И когда это письмо к вам придет, извольте подготовить подворье для любекцев и чтобы подворье было собственным гостевым двором для любекцев; и когда любекцы станут прибывать в Псков, вам следует указать им торговать на том подворье, а также назначить одного доброго пристава, чтобы их очень хорошо соблюдать, чтобы любекцам в торговле от нашего народа никоим образом не чинилось обмана или хитрости, и чтобы пошлина с любекцев взималась в половину, но с прочих немцев, а также с ливонцев, литовцев, шведов и поляков вам следует брать полную пошлину по нашему прежнему приказу; а подворье надлежит строить жителям, или, если подворье готовое, они должны его купить, чтобы подворье для любекцев могло быть подготовлено; и соизвольте очень хорошо соблюдать, чтобы любекцам ни от кого не чинилось никакого обмана или урона; и в случае, если другие немцы станут приходить в Псков с товарами из Нарвы или из Ивангорода, или из других немецких городов, вам следует разрешать им приходить и торговать, и вы должны брать с них пошлины согласно нашему прежнему приказу; и приказываем их равным образом очень хорошо соблюдать, чтобы им никто не

мог чинить обиды, которая могла бы им причинить бесчестье, чтобы они позже захотели бы по доброй воле прибывать сюда для торговли; и приставьте к ним добрых, разумеющих приставов, а всякие пошлины, которые с них взимаются, вам следует брать особо и указывать в книгах отдельно от общих пошлин, и вы должны писать нам на Москву в Приказ Андрея Щелкалова о том, сколько денег от пошлин собрано с немцев ежемесячно; а как придут любекские купцы в Псков торговать по этому нашему письму, то вам следует с любекских купцов брать половинную пошлину относительно прочих наций по этому нашему нынешнему повелению. Писано в год 7094, 30 марта».

Когда жители Пскова посчитали правдой то, что великий князь пожаловал любекцев особым подворьем, это им совсем не понравилось, и тогда они пришли к господам [наместникам] Пскова с тем, чтобы те мне передали, что хоть великий князь и написал, что в Пскове нужно изготовить подворье для любекцев, но у него не указано, надо ли строить подворье в городе или за городом, а потому я должен бить челом великому князю, и где великий князь повелит, там они подворье выстроят. Воеводы все очень хорошо понимали, но псковичи не поскупились на подарки, поскольку считали, что если любекцы получают двор в городе, то обманы в отношении нас подойдут к концу, а ведь псковская торговля в настоящее время — это как [особая] форма торговли. Если пскович имеет лен, пеньку или сало и хочет сторговаться с немцем, то русский идет за город и показывает немцу хороший товар и при этом клянется серьезнейшим образом, пока покупка не состоится (ведь немцам нельзя приходиться в Псков), когда же товар прибывает из города на весы, то там оказывается много лишнего; если же наши захотят пожаловаться на такой обман, то сами они не могут пойти в город к начальству, а посылают челобитную в город с тем, кто для того назначен, и потому челобитную утаивают, и наши ввиду невыслушанного дела не получают управы, поскольку их челобитные никогда не доходят до господ [Пскова], как я о том много узнал.

Но чтобы положить конец произволу воевод, я приказал составить короткую челобитную, которая звучит так: «Челобитная великому князю. Государь, царь и великий князь Федор Иванович, [государь] всех русских, бьет челом любечанин Захария Мейер. Государь, меня послали любекские бургомистры и ратманы и города, что с нами едины, тебе, государь, бить челом с тем, чтобы ты соизволил нас, государь, пожаловать и дал свободу торговать в Великом Новгороде и в Пскове, и по одному подворью для нас учредить в Новгороде и в Пскове особо от других гостевых подворий, и ты, государь, нас пожаловал и дал нам свободу торговать в Новгороде и в Пскове, а также приказал учредить для нас особые подворья, а твои, государь, воеводы и дьяки в Пскове не знают, где они должны здесь строить подворье. Всемилостивейший царь и государь, прояви твою милость и повели построить для нас подворье на старом месте, где наш Любекский двор был в прежние времена; государь, прояви твою милость. Передана ли эта вышеприведенная челобитная господам в Пскове и отправили ли они ее в Москву, мне неизвестно».

Далее следует: воеводы в Пскове приказали сообщить любекцам, что великий князь их пожаловал давать не более половины пошлины. Распорядителями на подворье, где ныне располагаются немцы, ныне были служители князя Ивана Петровича Юшкова, и поскольку великий князь упомянутого князя на пребывание в Пскове всем пожаловал, его люди на грамоту великого князя не хотели обращать

особого внимания, но давали понять, что раз грамота не про них писана, то они вольны брать пошлину по старине. Вот если их господин, князь Иван Петрович, им предпишет, что они должны брать половину, они этому поверят, и я ныне не сумел на собственном примере узнать, как они поступают с пошлиной. Случилось со мной так, что я продал одному псковичу мою лошадь, пошел по обычаю на таможду, просил написать купчую и хотел уплатить половинную пошлину, но люди князя Ивана не пожелали того, но сказали, что служат своему господину и подчиняются его приказам, на что я ответил: «Как я слышу, вы совсем ни во что не ставите грамоту великого князя, и я сообщу моим господам о пренебрежении к предъявленному посланию», на что они сказали, что это, дескать, не их дело и что я должен заплатить им полностью. И поскольку, как я ныне сказал, по-другому сделать было нельзя, я заплатил им полную пошлину, но пристыдил их, сказав, что они позорят своего великого князя перед иноземными нациями.

Когда люди князя Ивана Петровича узнали, что я хочу бить челом, то они из-за этого устроили против меня каверзу и послали ко мне 12 мая одного пристава якобы от воевод. Он пришел ко мне на подворье в неистовом состоянии и сказал, что воеводы послали ко мне и приказали передать следующее: «Тебе следует отсюда убраться добром, а если нет, то я выставлю тебя отсюда силой». На это я ответил, что когда закончу дело моих господ, тогда и уеду, а применять ко мне силу он не смеет, поскольку я повинуюсь Господу и великому князю, и что я хочу первым делом выразить протест. С тем он и ушел. Я же тем временем составил челобитную, которая звучит так: «Челобитная к великому князю. Государь, царь и великий князь Федор Иванович, [государь] всех русских, челом бьет немец Захария Мейер от имени 72 городов, я бил тебе, государю, челом в Москве, чтобы ты, государь, соблаговолил пожаловать в Великом Новгороде и в Пскове нас, любекцев, наряду с 72 городами торговать, как прежде, а также приказал подготовить наш гостевой двор, как прежде, и ты, государь святой России, нас, любекцев, пожаловал торговать в Великом Новгороде и Пскове, а также подготовить подворье по старине. И твое царское письмо я доставил в Псков воеводам, князю Василию Дмитриевичу Хилкову и Григорию Ивановичу Мещанинову-Морозову, а также канцлерам Сулмену Булгакову и Ивану Андрееву, в котором ты повелел с нас, любекцев, с наших товаров твою царскую пошлину брать в половину от других наций. И когда я сюда, в Псков, прибыл, я продал одному псковичу лошадь и пришел на Немецкий гостевой двор уплатить пошлину из половины от других наций согласно твоей царской жалованной грамоте, однако они взяли с меня полную пошлину, а не половину, вопреки твоему царскому повелению, и они твое царское письмо замарали. И так как, государь, я должен ехать с твоей царской великой грамотой в наш город к моим господам, прояви твою милость». Когда я ныне в Пскове эту грамоту передал, я сразу же встретил вражду, а также неблагосклонность. 15 мая ко мне во второй раз пришел пристав и хотел меня насильно выдворить, но я ему ответил, что они могут со мной делать, что хотят, но своей волей я не уеду. Пусть мне сначала скажут, хотят ли они брать половинную пошлину с любекцев по грамоте великого князя или нет, чтоб я знал, что мне говорить своим господам. На что они мне ответили, что хотят все делать по грамоте великого князя, что мне следует пойти на таможду и мне вернуть половину пошлины.

16 мая меня отвели на таможду и вернули половину пошлины, которую я взял в руки, поцеловал и сказал: «Благодарю великого князя за его милость. И хотя это ерунда (*strohalm*) и для меня примерно 2½ деньги значили не слишком много, поскольку мои господа дали мне с собой достаточно расходных средств (*thaergeldes*), но мне это надлежало сделать, раз речь шла о пожаловании великого князя. Ныне, когда вы мне ничего не должны, я сам желаю уехать». И с тем я покинул таможду.

17 мая я отправился из Псковской земли в Эстонию.

Эстония. 19 мая я прибыл в Эстонию.

21 мая я прибыл в Нарву.

Нарва. 23 мая я выехал из Нарвы.

Ревель. 26 мая я прибыл в Ревель.

28 мая, в среду, [я отплыл] из Ревеля под парусом со шкипером Маттиасом Хинкельманом.

Любек. 6 июня, рано утром, я прибыл в Любек и в 9 часов доставил послание великого князя господину Генриху Штортингу к [церкви] Девы Марии.

В год 1586, в месяце июле, почтенный, высокоумный совет второй раз направил меня с посланием в Москву к великому князю просить сопроводительное письмо.

26 июля я выехал из Любека в Травемюнде, желая плыть под парусом со шкипером Якобом Вентцелем в Нарву.

28 июля, в 7 утра [я отправился] под парусом из Травемюнде.

2 августа в 10 часов утра мы прибыли на нарвский рейд и пополудни я прибыл в Нарву.

5 июня я выехал из Нарвы.

13 августа я прибыл ко Пскову.

15 августа наместники послали за мной из Пскова одного боярина и приказали потребовать от меня письмо, написанное наместникам Пскова. Ему я сказал в ответ: «Мои господа в Любеке приказали мне, чтобы я сам передал наместникам письмо, чему я должен следовать, а в случае если наместник не пожелает дать мне разрешение предстать перед ним, мне следует действовать сообразно». На это я получил ответ, что мне можно будет представиться завтра.

16 августа меня затребовали к наместникам Пскова в горницу совета (*radtstube*), и там я передал письмо, которое было написано наместникам, и просил, чтобы мне разрешили говорить без угрозы немилости, что и было мне пожаловано. Я напомнил господам о письме великого князя, написанном к моим господам, в котором великий князь предлагал всякие милости, а также обнаружил из милости половинную пошлину, поскольку же это не соблюдалось, нельзя было понять, то ли есть великого князя воля, то ли нет. Кроме того, я пожелал, чтобы господа благоволили дать опровержение по поводу взвешивания соли, ибо со взвешиванием соли чинились неправды. Гостевое подворье по воле великого князя также не было еще сооружено. На наших [купцов] облыжно жалуются, а они, напротив, не имеют возможности прийти, чтобы их выслушали, и все это вопреки повелению великого князя. На это наместник дал мне такой ответ: что касается половинной пошлины, то он приказал, чтобы с любекцев не брали больше половины, а что такое не случилось, про то он не знал; по поводу взвешивания соли надо будет разбираться; немцы с [Немецкого] подворья жаловались, что они, мол, имеют одно хорошее под-

ворье и не желают лучшего. На то я ответил, что у немцев на то нет приказа, противиться также не в их власти. А жаловались, как мне сообщили, Ханс Энгельштеде и Герман Олденхофф.

Москва. 20 августа я выехал из Пскова.

29 августа я прибыл в Москву.

2 сентября меня затребовал канцлер Андрей Яковлевич [Щелкалов] в канцелярию и принял от меня письмо господ; и он от меня узнал, что я прибыл только ради сопроводительного письма, а не по какому другому делу, на что сказал мне: «Разве твои господа не доверяют предыдущей грамоте?» На это я ответил, что в Германии не принято отправлять послов без официального сопроводительного письма.

23 сентября канцлер затребовал меня в канцелярию, где мне от имени великого князя передали письменный ответ к моим господам в Любек наряду с сопроводительным письмом. Скрепленное печатью письмо звучит так: «Бургомистрам, ратманам и бюргерам Любека. От Божьей милостью великого государя, царя и великого князя Федора Ивановича, [государя] всех русских [полный титул]. В Любек бургомистрам, ратманам и бюргерам. Вы посылали к Нашему Царскому Величеству вашего служителя Захарию Мейера с письмом и в вашем письме нам писали, что от нашего величества вашим служителем Захарией Мейером вручена грамота Нашего Царского Величества по поводу вашего челобития и что вы из нашего письма с великой радостью узнали, что мы предоставили свободу вашим купцам и прочим свободным городам, которые с вами едины, прибывать в наши владения для торговли и торговать, а также, что мы повелели в Новгороде и в Пскове устроить по подворью, как в прошлые времена, только для вас одних и что Наше Царское Величество повелело также равным образом соблюдать ваших купцов, чтобы подворья в Новгороде и в Пскове были подготовлены и чтобы вы в связи с этим направили к Нашему Царскому Величеству посольство по поводу еще большего пожалования, чтобы через ваших посланцев их утвердить и о том бить челом. И что ваш служитель Захария с нашим письмом прибыл поздно и что вы нынче не можете направить ваших посланцев к Нашему Царскому Величеству, но хотите направить ваших посланцев к Нашему Царскому Величеству летом при первой возможности и в отношении них сделаете все по приказу Нашего Царского Величества, равно как и то, чем вы обязаны Нашему Царскому Величеству, и что ныне для ваших посланцев с вашим служителем Захарией мы должны послать вам нашу сопроводительную грамоту, с которой они могли бы прибыть к Нашему Царскому Величеству, а также пуститься в обратный путь без опасности и по доброй воле. И мы ваше письмо милостиво заслушали и приказываем вашего служителя Захарию отпустить, а с ним послали сопроводительную грамоту для ваших посланцев, чтобы они могли прибыть к Нашему Царскому Величеству, а также отправиться в обратную дорогу без всяких препон. И для ваших купцов в наших владениях в Новгороде и в Пскове приказано подготовить подворья только для них одних уже во время пребывания вашего служителя Захарии, и они ныне готовы; и пошлины с ваших купцов, которые начали прибывать, мы повелеваем брать согласно прежнему повелению в половину от всех наций, а также повелеваем, чтобы их также сохраняли по прежнему пожалованию, а вашему служителю Захарии мы позволили уехать без задержки. Писано в наших владениях на нашем подворье в городе Москве в год от сотворения мира 7095 в месяце сентябре».

Подорожная грамота звучит так: «Господь в высокославной милости Святой Троицы. Мы, великий государь, царь и великий князь Федор Иванович, [государь] всех русских [полная титулатура]. От Нашего Царского Высокочтимого Величества. В Любек бургомистрам, ратманам и бюргерам наше царское слово. Вы послали к Нашему Царскому Величеству вашего служителя Захарию Мейера с письмом бить челом, чтобы Наше Царское Величество соизволило вам послать подорожную грамоту для ваших посланцев, которых вы пошлете, чтобы ваши посланцы могли прибыть к Нашему Царскому Величеству в [наше] владение, в Москву, и чтобы они могли отправиться обратно по доброй воле со всеми почестями, людьми и имуществом без всяких препон, и чтоб им никоим образом не чинилось обиды или задержки в наших владениях по этой нашей грамоте. И это Нашего Царского Величества письмо писано для ваших посланцев и их сопровождения в наших владениях на нашем подворье в городе Москве в год от сотворения мира 7095, в месяце сентябре».

В год 1586, 27 сентября, я выехал из Москвы.

Новгород. 4 октября я прибыл в Новгород и там в сопровождении двух бояр посетил Любекское подворье, устроенное согласно грамоте великого князя.

Псков. 5 октября я выехал из Новгорода и 9 октября прибыл в Псков.

10 октября наместники послали ко мне из Пскова одного боярина и приказали мне сказать, что мне следует осмотреть подворье, которое построено для любекцев, на что я ему ответил, что подворье, которое вы хотите мне показать, то двор Юрия Иголкина, который я хорошо знаю, на что боярин сказал, что он так господам и передаст. Поскольку они не изготовили подворья по великокняжескому повелению, я приказал 12 октября составить следующую челобитную, которая звучит так: «Челобитая на господ Пскова. Государь, царь и великий князь Федор Иванович, [государь] всех русских, бьет тебе челом любечанин по имени Захария Мейер. Меня посылали сюда любекские бургомистры, ратманы и бюргеры, а также с нами объединенные города бить челом по поводу торговли, чтобы ты, государь, нас соизволил пожаловать и дать свободу торговать по старине в твоих владениях и в Москве, и в Великом Новгороде, и в Пскове, и ты, государь, нас пожаловал и приказал твоим распорядителям (*bevelychhebbbers*) для нашего приезжего народа в твоей отчине Великом Новгороде и в Пскове устроить подворья, куда мы могли бы прибывать для торговли, и, государь, твои распорядители в Великом Новгороде устроили подворье для наших приезжих людей по твоему приказу, а в Пскове, государь, твои распорядители имеют указанное подворье для наших приезжих людей за рекой [Великой], хотя, государь, мы прежде имели подворье для наших приезжих в городе, в Запсковье (*Sabschow*). И, государь, мы доньше не приезжали в Псков торговать по той причине, что тогда торговлю держали в Нарве, пока Нарва пребывала под твоим правлением. А ныне, государь, мы не можем торговать на подворье, расположенном за рекой, по той причине, что подворье находится совсем на отшибе, и, государь, если возникнет размирье с поляками или шведами и они внезапно придут под Псков, наши товары будут захвачены и мы, таким образом, понесем убытки. И, государь, распорядитель, которому поручено подворье за рекой, по имени Яков Жучерин (?) (*Zuseryn*), хотел силой поместить нас на подворье, однако ты, государь, по твоему письму приказал учредить для нас, любекцев, подворье в Пскове, а распорядитель не обращается с нами согласно твоему приказу, но поносит

нас, бесчестит и не сохраняет нас по-доброму. Челобитную, которую мы ему дали касательно наших бедствий и велели отнести в город к твоим распорядителям, он к твоим распорядителям не доставил. Наимилостивый царь, прояви твою милость и повели устроить подворье для наших путешествующих на старом месте, в городе, и повели нам дать доброго пристава. Царь и государь, прояви твою милость».

13 октября я прибыл к воротам Пскова и просил меня впустить с этой челобитной, но господа приказали мне передать, что они не имеют ко мне никаких дел, и потому я был вынужден, в свою очередь, им передать, что они себя почему-то высокомерно держат, тогда как господа в Москве лично меня всегда к себе допускали. Позже я получил ответ, что если я хочу отправить им челобитную, я мог бы это сделать, если не намерен уезжать; если я хочу, то должен прислать сюда им указанную челобитную, затем же господа из Пскова прикажут меня уведомить, хотят ли ее отправить к великому князю, и где он прикажет строить подворье, так они с ним и поступят. С тем я и остался.

Иван Андреевич. 14 октября канцлер Иван Андреевич послал ко мне из Пскова, пожелал от меня копию поданной мною челобитной и высказал опасение, что господа не пошлют поданную мною челобитную к великому князю. Ему же, дескать, не хочется в дальнейшем быть в том обвиненным, и потому он намерен послать в Москву ее копию. Воспрепятствовали ему или же дело было завершено, мне пока неизвестно; что будет, покажет время.

14 октября я выехал из Пскова.

Нарва. 17 октября я прибыл в Нарву.

30 октября вечером я отплыл с нарвского рейда со шкипером Карстеном Ольденбостелем, [он] вел крайер³⁷.

Любек. 7 ноября, слава Господу, я прибыл в Любек и передал письмо вместе с грамотой председательствующему бургомистру, господину Иоганну Лудинекхузену.

31 марта 1587 года оно было передано почтенным и благородным Андреасу Зиверсу, Хартигу Холчену, Хансу Витте и Иоганну Карстенсу, в то время господам фрахтовщикам новгородской конторы в Любеке, о чем сказано выше.

Захария Мейер

References

- Angermann N. Deutsche Kaufleute in Novgorod im 16. und 17. Jahrhundert. *Novgorod — Markt und Kontor der Hanse*. Köln, Böhlau, 2002, S. 97–115.
- Angermann N. Die Stellung der livländischen Städte in der hansischen Gemeinschaft. *Hansische Geschichtsblätter*, 1995, vol. 113, pp. 111–125.
- Bessudnova M. B. Novgorodskaja kontora Gansy v torgovoi strategii Revelia pervoi treti XVI v. *Peterburgskie slavjanskije i balkanskije issledovanija*, 2019, no. 2 (26), pp. 159–172. (In Russian)
- Bessudnova M. B. *Spezifika i dinamika razvitiia rusko-livonskih protivorechii v poslednei treti XV veka*. Voronezh, Nauchnaia kniga Publ., 2016, 464 p. (In Russian)
- Bessudnova M. Der Russlandhandel Lübecks im Pamphlet “Kurzer Bericht undt Information der Hansischen von alters hero auf Liefland und Russlandt gebrauchter Sigilation, Gewerb und Hantirung” von 1571 aus dem Stadtarchiv Tallinn. *Acta Historica Tallinnensia*, 2017, vol. 23, pp. 49–64.

³⁷ Крайер — разновидность небольшого купеческого судна, способного передвигаться среди льдов.

- Doroshenko V. V. *Torgovlia i kupechestvo Rigi v XVII veke*. Riga, Zinatne, 1985, 350 p. (In Russian)
- Graßmann A. Lübeck und der deutsche Osten im Spätmittelalter. *Die Hanse und der deutsche Osten*. Lüneburg, 1990, S. 23–39.
- Hammel-Kiesow R. *Die Hanse*. München, Verlag C. H. Beck, 2000, 128 p.
- Hammel-Kiesow R. Hansischer Seehandel und wirtschaftliche Wechsellagen: Der Umsatz im Lübecker Hafen in der zweiten Hälfte des 14. Jahrhunderts, 1492–1496 und 1680–1682. *Der hansische Sonderweg?* Köln, [s. n.], 1993. S. 77–93.
- Horoshkevich A. L. Goroda Rossii vo vremia Livonskoi voiny (k postanovke voprosa). *Drevnosti Pskova: Arkheologia, istoria, arkhitektura, vol. 2*. Pskov, Pechatnyi dvor Steh Publ., pp. 271–279. (In Russian)
- Iwanov I. A. *Die Hanse im Zeichen der Krise: Handlungsspielräume der politischen Kommunikation im Wandel (1550–1620)*. Köln, Böhlau, 2016, 419 p.
- Iwanov I. A. Hansische Niederlassungen in Russland um 1600. *Hansische Geschichtsblätter*, 2015, vol. 133, p. 163–182.
- Jahnke C. *Die Hanse*. Stuttgart, Reclam, 2014, 245 S.
- Jahnke C. Lübeck and the Hanse: a queen without its body. *The Routledge handbook of maritime trade around Europe 1300–1600*. Routledge, 2017, pp. 231–247.
- Köhler M. *Die Narvafahrt. Mittel- und westeuropäischer Rußhandel 1558–1581*. Hamburg, Verlag Dr. Kovač, 2000, 173 p.
- Link Ch. Hansischer Handel im Strukturwandel vom 15. zum 16. Jahrhundert: das Beispiel Danzig. *Hansischer Handel im Strukturwandel vom 15. zum 16. Jahrhundert*. Trier, Porta Alba Verlag, 2016, pp. 31–48.
- Neubauer H. Das Moskauer Privileg für Lübeck 1603. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 1968, vol. 16, pp. 70–84.
- Puhle M. Organisationsmerkmale der Hanse. *Die Hanse. Lebenswirklichkeit und Mythos*. Ed. by J. Bracker. 4. Aufl., Lübeck, Verlag Schmidt-Pömhil, 2006, pp. 196–201.
- Selzer S. *Die mittelalterliche Hanse*. Darmstadt, WBG, 2010, 136 p.
- Sprandel R. Die Konkurrenzfähigkeit der Hanse im Spätmittelalter. *Hansische Geschichtsblätter*, 1984, vol. 102, pp. 21–38.
- Tiberg E. *Moscow, Livonia and the Hanseatic League: 1487–1550*. Stockholm, Almqvist & Wiksell International, 1995, 290 p.
- Tolkachov M. V. Vsaimootnosheniia Rossii s Gansoj v period pravleniia Fedora Ioannovicha i Borisa Godunova (1584–1605). *Isvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*, 2010, vol. 2, issue 2 (34), pp. 7–13. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 29 августа 2020 г.

Рекомендована в печать 14 сентября 2021 г.

Received: August 29, 2020

Accepted: September 14, 2021